

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

МИЗЕРЕРЕ

ГРАНЖЕ САЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ В ЛАДЬЮ И ВЕЗЕТ
ЧЕРЕЗ УГОЛЬНО-ЧЕРНЫЕ ВОЛНЫ СВОЕГО ВНУТРЕННЕГО СТИКСА.

Les Echos

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Жан-Кристоф Гранже Мизерере

Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2887325

Гранже Ж.-К. Мизерере: Иностранка; Москва; 2010

ISBN 978-5-389-03810-3

Оригинал: Jean-Christophe Grange, "Miserere"

Перевод:

Александра Ратай

Аннотация

В армянском соборе Святого Иоанна Крестителя в Париже убит чилийский беженец Вильгельм Гетц, регент хора мальчиков и органист. Касдан, офицер полиции в отставке и прихожанин собора, немедленно начинает собственное неофициальное расследование. К нему присоединяется Волокин из отдела по защите прав несовершеннолетних. Оказывается, в прошлом исчезло несколько мальчиков из хоров, которыми руководил Гетц. За первым преступлением следуют еще более кровавые убийства. Между полным опасностей расследованием, в которое пускаются герои, и старинным хоралом «Мизерере» существует таинственная связь...

Содержание

I	4
1	4
2	11
3	20
4	27
5	35
6	44
7	50
8	59
9	69
10	75
11	88
12	97
13	107
14	123
15	136
16	141
17	150
18	160
19	170
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Жан-Кристоф Гранже

Мизерере

*Посвящается Луи, Матильде, Изе – солнышкам
моей жизни*

I

Убийца

1

Крик был узником органа.

Он свистел в его трубах. Разносился по церкви. Приглушенный. Отрешенный. Бесплотный. Сделав три шага, Лионель Касдан остановился у зажженных свечей. Окинул взглядом пустые хоры, мраморные колонны, стулья, обитые темно-малиновой искусственной кожей.

Саркис сказал: «Наверху, возле органа». Касдан развернулся и скользнул вверх по винтовой каменной лестнице, ведущей на галерею. У органа церкви Иоанна Крестителя есть одна особенность: трубы, похожие на батарею ракетных установок, расположены по центру, а клавиатура пристроена сбоку – справа, под прямым углом к корпусу.

Касдан двинулся по красному ковру вдоль синих каменных перил.

Труп был втиснут между органными трубами и клавиатурой.

Лежит ничком, правая нога согнута, руки судорожно сжаты, словно человек пытается ползти. Вокруг головы нимбом расплзлась красная лужица. Рядом валяются партитуры и молитвенники. Машинально Касдан взглянул на часы: 16.22.

На миг он позавидовал этому смертному покою. Ему всегда казалось, что с возрастом страх перед небытием должен становиться все более невыносимым. Но с ним получилось наоборот. В нем появилось какое-то нетерпение, напоминающее магнетическую тягу к смерти, которое с каждым годом только росло.

Тогда он наконец обретет успокоение.

И смолкнут одолевающие его бесы.

Кроме кровавого пятна, никаких следов насилия. Возможно, органист скончался от сердечного приступа и разбил голову при падении. Касдан опустился на одно колено. Лицо мертвеца скрыто согнутой рукой. *Нет, убийство.* Он это нутром чуял.

Локоть жертвы упирался в педаль органа. Касдан не разбирался в устройстве инструмента, но догадался, что прижатая педаль открыла оловянные и свинцовые трубы, увеличив силу крика. Как убили этого человека? И почему он закри-

чал?

Касдан поднялся и достал телефон. По памяти набрал несколько номеров. Каждый раз его голос узнавали и отвечали «о'кей». Живое тепло растеклось по жилам. Выходит, он пока не умер. Во всяком случае, не совсем.

В памяти всплыл «Секретный агент» Альфреда Хичкока, черно-белый фильм из тех, что помогали ему убивать послеобеденное время в артахусных кинозалах Латинского квартала. Там двое шпионов обнаружили в швейцарской церквушке за клавиатурой органа труп, чьи окостеневшие пальцы выжимали из инструмента нестройный аккорд.

Подойдя к балюстраде, он оглядел зал у себя под ногами. В глубине апсиды полотно с изображением распятия в окружении ангела евангелиста Матфея и орла евангелиста Иоанна. Люстры с подвесками. Расшитый золотом алтарный занавес. Пурпурные ковры. Армянская версия той же сцены из фильма Хичкока.

– Какого черта вы здесь делаете?

Касдан обернулся. Возле лестницы стоял незнакомый ему мужчина – низколобый, с густыми бровями. В полумраке он смахивал на нарисованную черным фломастером карикатуру. Казалось, он в ярости.

Касдан молча приложил палец к губам: «Ш-ш». Он еще пытался прислушиваться к замиравшему свисту. Когда звук окончательно стих, он представился:

– Лионель Касдан, майор уголовного отдела.

Гнев на лице незнакомца сменился недоумением:

– Все еще служите?

Вопрос не требовал ответа. Вид Касдана уже никого не мог ввести в заблуждение. В спортивной куртке и брюках песочного цвета, с ежиком поседевших волос, с замотанной шарфом шеей, он выглядел на все свои шестьдесят три года и скорее походил на наемника, брошенного на каменистой дороге в Чаде или Йемене, чем на офицера полиции при исполнении.

Тот, другой, являл собой его полную противоположность: молодой, полный сил, самоуверенный. Тяжеловес, затянутый в блестящую зеленую куртку-бомбер, он и не думал прятать табельный «глок» на поясе мешковатых джинсов. Общими у них были только габариты. Два бугая ростом больше метра восьмидесяти пяти и весом под сто килограммов.

– Стойте на месте, – сказал Касдан. – Затопчете улики.

– Капитан Эрик Верну, – назвалсЯ полицейский. – Из первого подразделения судебной полиции. Кто вас вызвал?

Несмотря на досаду, он говорил тихо, словно боялся нарушить некую церемонию.

– Святой отец Саркис.

– До меня? А почему именно вас?

– Я его прихожанин.

Тот нахмурился, так что брови слились в сплошную черную линию.

– Вы – в армянском храме Иоанна Крестителя, – пояснил

Касдан. — А я армянин.

— Как вы так быстро сюда добрались?

— Я уже был здесь. В церковной конторе на другом конце двора. Отец Саркис обнаружил труп и попросил взглянуть. Только и всего. — Он показал руки. — Перчатки взял в машине. Вошел через главный вход, как и вы.

— И ничего не слышали? Я хочу сказать, перед этим. Шум борьбы?

— Нет. Из конторы не слышно, что происходит в церкви.

Верну сунул руку под куртку и достал мобильник. Касдан не сводил глаз с цепочки и перстня с печаткой. Настоящий опер. Вульгарный увалень. Эти детали вызвали у него прилив нежности.

— Кому звоните? — спросил он.

— В прокуратуру.

— Уже.

— Что?

— Я связался со своими бригадами.

— Вашими бригадами?

Снаружи на улице Гужона завывали сирены. Неф мгновенно заполнили криминалисты в белых комбинезонах. Несколько человек с хромированными чемоданчиками в руках уже поднимались на галерею. Шедший первым светло улыбался из-под капюшона. Уг Пюиферра, один из руководителей службы криминалистического учета.

— Касдан! Неугомонный ты наш.

– Жив курилка, – улыбнулся армянин. – Ты здесь все прочешешь?

– Будь спок.

Верну то и дело переводил взгляд с криминалиста на отставного сыщика. Похоже, он был ошеломлен.

– Уходим, – приказал Касдан. – Все мы здесь не поместимся.

Не дожидаясь ответа, он спустился вниз. По всей церкви уже сверкали вспышки, и криминалисты с пакетиками в руках сновали между стульями, снимая отпечатки пальцев.

Справа от апсиды показался отец Саркис. Белый воротничок. Строгий костюм. Черные брови и волосы с проседью, как у Шарля Азнавура. Он дождался, пока Касдан подойдет поближе, и прошептал:

– Просто невероятно. Не понимаю...

– Ничего не украли? Все проверил?

– Что тут красть?

Святой отец говорил чистую правду. Армянская церковь отвергает идолопоклонство. Никаких статуй, совсем немного картин. В храме не было ничего, кроме масляной лампы и двух-трех позолоченных престолов.

Касдан молча смотрел на священника. Старик держался стойко. Черные глаза выражали покорность судьбе. Ту покорность, какую обретает народ, переживший две тысячи лет гонений, или человек, вся жизнь которого прошла в изгнании, а родня уничтожена геноцидом. И виновные отказыва-

ются признать свое преступление.

Он оглянулся. Неподалеку Верну, отвернувшись от него, что-то шептал в телефон.

Он подошел и прислушался.

– Откуда я знаю, что он тут делает? Ага... Как пишется фамилия? Без понятия. Как-как? Капкан?

– Кастет! – расхохотался у него за спиной армянин.

Первая картина изображала полководцев в битве при Аварайре: тогда, в 451 году, армяне восстали против персов. На второй был святой Месроп Маштоц, создатель армянского алфавита. Третья посвящалась знаменитым мыслителям, депортированным или погибшим во время геноцида 1915 года. Эрик Верну разглядывал бородатых людей, нарисованных на опоясавшей двор стене, а вокруг него гонялись друг за дружкой десятка два мальчишек. Он казался сбитым с толку, растерянным, словно приземлился на Марсе.

– Сегодня среда, – объяснил Саркис. – Только что закончился урок катехизиса. Обычно после него дети идут на хор. Сейчас бы уже всю пели. Скоро их родители заберут. Им позвонили. А пока пусть поиграют здесь, ладно?

Легавый из первого подразделения кивнул в ответ. Не слишком уверенно. Он поднял глаза к большому кресту из туфа, украшавшему стену рядом с фреской:

– А вы... Вы католики?

Касдан ответил не без издевки:

– Нет. Апостолическая армянская церковь – это православная восточная автокефальная церковь. Одна из церквей трех Соборов.

Верну вытаращил глаза.

– Исторически, – продолжал Касдан, повысив голос, что-

бы перекричать мальчишек, – из христианских церквей армянская – самая древняя. Ее основали в первом веке от Рождества Христова два апостола. Потом у нас то и дело возникали разногласия с другими христианами. Соборы, споры... Например, мы – монофизиты.

– Моно... что?

– В нашем представлении Иисус Христос не был человеком. Он – Сын Божий, то есть его природа исключительно божественная.

Верну хранил молчание. Касдан улыбнулся. Его всегда забавляло потрясение, которое вызывало в людях знакомство с миром армянской культуры. Его обычаями. Его верованиями. Его отличительными особенностями. Хмурый полицейский вытащил блокнот. Проповеди ему осточертели.

– Ладно. Жертву звали... – Он сверился с блокнотом. – Вильгельм Гетц, верно?

Саркис, скрестив руки на груди, кивнул в ответ.

– Это армянское имя?

– Нет. Чилийское.

– Чилийское?

– Вильгельм не принадлежал к нашей общине. Три года назад наш органист вернулся на родину. Мы искали ему замену. Музыканта, который мог бы также быть регентом хора. Кто-то посоветовал мне Гетца. Органист. Музыковед. Он уже руководил несколькими хорами в Париже.

– Гетц... – с сомнением повторил Верну. – Не слишком-то

похоже на чилийское имя...

– Имя немецкое, – вмешался Касдан. – Многие чилийцы – немецкого происхождения.

Капитан нахмурился:

– Нацисты?

– Необязательно, – улыбнулся Саркис. – Насколько я знаю, семья Гетца обосновалась в Чили в начале двадцатого века.

Капитан постукивал по блокноту фломастером.

– Что-то я не пойму. Он чилиец, вы армяне – что у вас общего?

– Музыка. – Касдан помолчал и добавил: – Музыка и изгнание. – Мы, армяне, сочувствуем беженцам. Вильгельм – социалист. Он подвергся репрессиям при Пиночете. Мы стали его новой семьей.

Верну продолжал записывать. Как видно, происходящее не слишком ему нравилось. Но в то же время Касдан чувствовал, что тот готов взяться за расследование.

– В Париже у него была семья?

– Кажется, нет. Ни жены, ни детей... – Саркис задумался. – Вильгельм был человек замкнутый. Очень скрытный.

Мысленно Касдан попытался набросать портрет чилийца. Два раза в месяц, по воскресеньям, он играл на органе во время службы и каждую среду репетировал с хором. Друзей в руководстве собора у него не было. Лет шестидесяти, худощавый, тихий. Призрак, скользивший вдоль стен, сломлен-

ный пережитыми страданиями.

Армянин прислушался к тому, что говорит Верну:

– Кто-нибудь имел на него зуб?

– Нет, – сказал Саркис, – не думаю.

– Может, политика? В Чили у него остались враги?

– Хунта пришла к власти в семьдесят третьем. Гетц приехал во Францию в восьмидесятых. Срок давности ведь истек? И военная хунта уже много лет не правит Чили. А Пиночет недавно умер. Все это – древняя история.

Верну продолжал писать. Касдан прикинул, каковы шансы, что дело останется у капитана. Вообще-то прокуратура должна передать расследование уголовному отделу, разве что Верну удастся доказать, что у него уже есть серьезные зацепки и он быстро раскроет убийство. Касдан готов был поспорить, что так оно и выйдет. По крайней мере, он на это надеялся. Гораздо легче манипулировать этим тяжеловесом, чем своими бывшими сослуживцами по уголовке.

– Как он здесь оказался? – продолжал капитан. – Я имею в виду, один в церкви?

– По средам он приходил пораньше. Пока ждал детей, играл на органе. Я обычно в это время заглядывал к нему, поздраваться. И сегодня пришел...

– В котором точно часу?

– В шестнадцать пятнадцать. И обнаружил его наверху. Тут же позвал Лионеля, он ведь бывший полицейский. Он наверняка вам сказал. Потом позвонил вам.

Касдан вдруг осознал, что, когда Саркис нашел труп, убийца, вероятно, был еще на галерее. Он убежал, пока священник ходил за Касданом. Явись он несколькими секундами раньше, они могли бы столкнуться на каменной лестнице.

Верну обратился к Касдану:

– А вы-то что делали в конторе?

– Я возглавляю несколько сообществ, связанных с нашим приходом. В следующем году мы проводим кое-какие мероприятия. Две тысячи седьмой объявлен во Франции годом Армении.

– Что за мероприятия?

– Как раз сейчас готовимся к встрече армянских детей, изучающих французский язык. В феврале они приезжают на благотворительный гала-концерт Шарля Азнавура во дворце Гарнье. Мы их называем юными посланцами и...

У него зазвонил мобильный.

– Извините.

Он отошел в сторону:

– Алло?

– Мендес.

– Ты где?

– А ты как думаешь?

– Я сейчас.

Касдан еще раз извинился перед Саркисом и Верну и выскользнул через дверцу, ведущую в неф. Рикардо Мендес – один из лучших специалистов Института судебной медици-

ны. Старый задира родом с Кубы. В уголовке все его звали Мендес-Франс¹.

Судебный эксперт как раз спускался по лестнице, когда Касдан подошел к освещенному свечами главному входу. Они сдержанно поздоровались.

– Что скажешь? От чего он умер?

– Понятия не имею.

На коренастом Мендесе был помятый бежевый плащ. Цвет лица напоминал сигару, а волосы – сигарный пепел. Под мышкой он всегда держал старый учительский портфель, словно торопился на урок.

– Ран нет?

– Пока ничего такого не видел. Надо дожидаться вскрытия. Но при поверхностном осмотре – нет. Одежда не порвана.

– А кровь?

– Кровь есть, но раны нет.

– Что ты об этом думаешь?

– Думаю, это кровь из естественного отверстия. Из рта, из носа, из ушей. Или рана под волосяным покровом. Там всегда сильно кровоточит. Но точно пока ничего не скажу.

– Смерть могла быть естественной? Я хочу сказать, от болезни? Может, инсульт?

– И не надейся, – усмехнулся кубинец. – Мужика замочили. Сто пудов. Но чтобы выяснить как, мне придется в нем,

---

¹ Пьер Мендес-Франс (1907–1982) – премьер-министр Франции в 1954–1955 гг. и министр иностранных дел в 1954 г.

так сказать, порыться. К вечеру буду знать больше.

Мендес слегка присюсюкивал, словно персонаж испанской оперетты.

– Я не могу ждать, – сказал Касдан. – Через несколько часов дело у меня заберут. Понимаешь?

– Еще бы. Сам не знаю, почему я с тобой разговариваю...

– Потому что я здесь у себя дома, а какой-то негодяй осквернил храм моих отцов!

– Когда тело перевезут на набережную Рапе, это будет уже не у тебя дома, приятель. Там ты – легавый в отставке, который всех достал своими вопросами.

– Ты мне сообщишь?

– Звякни, так и быть. Только на копию протокола не рассчитывать. Кое-чем я с тобой поделюсь. Но не больше.

Кубинец попрощался на ковбойский манер, коснувшись указательным пальцем виска, и вышел, прижимая рукой портфель. Касдан окинул взглядом неф, сверкавший в свете прожекторов. Четыре арки, обрамлявшие зал, изображение Богоматери под балдахином. Он приходил сюда каждое воскресенье на службу, больше двух часов внимал песнопениям и вдыхал запах ладана. Это место стало для него чем-то вроде второй кожи, неизменно согревавшей и дарившей чувство защищенности. Обряды. Голоса. Знакомые лица. Кровь Армении, текущая в венах.

На лестнице слышались шаги. Уг Пюиферра на ходу мотнул головой, сбрасывая капюшон. С первого взгляда ар-

мянин догадался, что он возвращается не с пустыми руками.

– След обуви, – подтвердил криминалист. – Среди кровавых брызг. За трубами органа.

– След убийцы?

– Скорее свидетеля. Тридцать шестой размер. Или убийца карлик, или, как я предполагаю, там стоял кто-то из ребятишек, поющих в хоре. И все видел.

Касдану тут же вспомнились детские голоса во дворе. Он представил себе эту сцену. Один из мальчиков зачем-то идет к Гетцу. Застает органиста в момент встречи с убийцей. Прячется за трубами. Потом спускается назад. Он в шоковом состоянии и никому не говорит о том, что произошло у него на глазах.

Касдан схватил мобильник и позвонил Ованесу, ризничему:

– Касдан. Мальчишки еще здесь?

– Собираются по домам. Почти все родители уже приехали.

– Планы изменились. Никто из ребят не выйдет из церкви, пока я их не допрошу. Никто, понял?

Нажал отбой и посмотрел прямо в глаза Пюиферра:

– Окажешь мне услугу?

– Нет.

– Спасибо. Ничего не говори Верну, парню из судебной полиции. Я имею в виду, пока.

– Я сажусь писать рапорт.

– Договорились. Но Верну узнает об отпечатке, только когда получит рапорт. Это даст мне два-три часа форы. Ты ведь можешь это сделать?

– Он получит рапорт сегодня вечером, до полуночи.

- Как тебя зовут?
- Бенжамен. Бенжамен Зирекян.
- Сколько тебе лет?
- Двенадцать.
- Где ты живешь?
- Пятнадцатый округ, улица Коммерс, дом восемьдесят четыре.

Касдан записал все ответы. Пюиферра поделился с ним кое-какими подробностями. По его словам, бороздки на отпечатке указывают на кроссовку фирмы «Конверс». «На мне такие же», – добавил криминалист. Касдан велел Ованесу найти мальчишку в «конверсах». Ризничий привел к нему семерых – все в двухцветных кроссовках. Очевидно, лидер продаж зимы 2006 года.

- Ты в каком классе?
- В пятом.
- Где учишься?
- В коллеже Виктора Дюруи.
- И поешь в хоре?

Короткий кивок. Он допрашивал уже третьего мальчика, но добился только односложных ответов, перемежавшихся паузами. Касдан и не рассчитывал на внезапную откровенность. Скорее он высматривал следы замешательства, психо-

логической травмы у ребенка, видевшего убийство. Но пока ничего не заметил.

– Какая у тебя тесситура?

– Чего?

– Каким голосом поешь в хоре?

– Сопрано.

Касдан пометил и это. На данном этапе расследования следует учитывать любую деталь, даже не связанную с убийством.

– Что вы сейчас репетируете?

– Одну штуку к Рождеству.

– Какую?

– «Аве Мария».

– Это ведь не армянское произведение?

– Нет. Шуберт, кажется.

Саркису пришлось позволить такое отступление от православных устоев. И Касдану это не понравилось. *Все теряется.*

– А сам играешь на каком-нибудь инструменте?

– На пианино.

– Нравится?

– Не очень.

– А что тебе нравится?

Новое познание плечами. Они сидели на кухне, под приходской конторой. Другие дети ждали рядом в библиотеке. Армянин перешел к хронологии событий.

– Куда ты пошел после катехизиса?

– Во двор. Играть.

– Во что?

– В футбол. Ребята мяч принесли.

– Ты не возвращался в церковь?

– Нет.

– А к месье Гетцу не заходил?

– Нет.

– Точно?

– Я не подлиза.

Мальчишка произнес это хриплым голосом, слишком серьезным для своего возраста. В белой рубашке, свитере с крупным узором и вельветовых брюках, он был ниже остальных на целую голову. Образ пай-мальчика завершали большие очки. Однако в нем чувствовался скрытый вызов, желание избавиться от ярлыка маменькиного сынка. Он то и дело ежился, будто свитер кололся.

– Какой у тебя размер обуви?

– Не знаю. Вроде тридцать шестой.

Возможно, ему следовало действовать иначе.

Изъять каждую пару «конвертов». Подписать их. Пронумеровать. Сдать криминалистам для исследования. Но полагаться на это нельзя – испуганный ребенок мог и вымыть кроссовки. А главное, для такой процедуры у него не было полномочий.

– О'кей, – сказал он. – Можешь идти.

Мальчишку как ветром сдуло. Касдан взглянул на свой список. Первый мальчик, Бриан Зараслян, оказался более разговорчивым. Спокойный коротышка девяти лет от роду. Выслушав его, Касдан пометил в нижней части карточки: *нет*. Со вторым, Кевином Дадаеаном, одиннадцати лет, пришлось повозиться. Массивный, широколобый, черные волосы пострижены почти под ноль. На вопросы отвечал односложно. Но никаких признаков смятения. *Нет*.

В дверь постучали. Вошел четвертый парнишка. Долговязый, растрепанный. Узкая черная куртка, белая рубашка, разметавшая по плечам концы воротника, похожие на два бледных крыла. Вылитый лидер рок-группы.

Давид Симонян. Двенадцать лет. Живет в Шестом округе, улица Ассас, дом двадцать семь. В пятом классе лицея Монтеня. Альт. Тридцать седьмой размер.

– Ты ведь сын Пьера Симоняна, гинеколога?

– Ага.

Касдан был знаком с его отцом, принимавшим пациентов в Четырнадцатом округе, на бульваре Распай. Спросив, как дела у отца, он замолчал, краем глаза наблюдая за мальчиком и пытаясь уловить хотя бы отзвук, тень страха. Ничего.

Попробовал зайти с другого конца:

– Месье Гетц был симпатичный?

– Ничего себе.

– Строгий?

– Да так. Он был... – мальчик задумался, – как его пар-

титуры.

– В смысле?

– Говорил как робот. Вечно одно и то же. «Тяни ноту», «держи дыхание», «четче» и все такое... Он нам даже баллы ставил.

– Баллы?

– Ну, за пение, за то, как стоишь на сцене, за осанку... Записывал после каждого концерта. А на фига они нам?

Касдан представил себе, как Гетц дирижирует поющими мальчиками, цепляясь к мелочам, которые кроме него никого не интересуют. За что можно убить такого грустного и безобидного человечка?

– А вне занятий он с вами разговаривал?

– Нет.

– Он когда-нибудь упоминал свою родину, Чили?

– Никогда.

– Ты знаешь, где это?

– Да нет. Мы по географии Европу проходим.

– Ты сегодня играл во дворе?

– Ну. Мы всегда по средам играем, после катехизиса.

– Ничего странного не заметил?

– В смысле?

– Никто из ребят не выглядел испуганным? Не плакал?

Мальчуган изумленно посмотрел на него.

– О'кей. Позови следующего.

Касдан уставился на крест над холодильником. Взглянул

на раковину из нержавейки и на кран: в горле пересохло, но он не хотел пить. Только не расслабляться. Не распускаться. Он напомнил себе, что один из мальчишек видел убийцу. Черт побери. Свидетели на дороге не валяются...

Дверь открылась. Показался пятый мальчишка. Маленький, но уже денди. Черные волосы якобы небрежно растрепаны, спадая на лоб косой челкой. Глаза очень светлые, почти бесцветные. На нем был защитный костюм и рюкзак, похоже набитый камнями. Сутулый, насупленный, в руках он вертел какую-то плоскую коробочку. Видеоигра. У Касдана на миг закружилась голова. Мобильник. Интернет. Аська... Поколение, перекормленное технологиями, картинками, звуками, непонятными знаками. Он опросил парня. Арут Захарьян, десять лет, Восемнадцатый округ, улица Ордоне, семьдесят два. Предпоследний класс начальной школы на улице Каве. Сопрано. Тридцать шестой размер. Паренек не выпускал из рук игрушку. Нервный, но не более того. Касдан наудачу задал ему пару-тройку наводящих вопросов. Все впустую. *Следующий.*

Элиас Кареян, одиннадцать лет. Улица Лабрюйер, дом тридцать четыре. В шестом классе лица Кондорсе. Бас. Тридцать шестой размер. Особые приметы: скрипач, дзюдоист. Болтает без умолку. По средам, после хора, ходит на занятия боевыми искусствами. А сегодня из-за этого дурдома пропустил тренировку. Попробуй теперь получить оранжевый пояс! *Следующий.*

Тимоте Аветикян. Тринадцать лет. Одного взгляда на его кроссовки Касдану хватило, чтобы понять – не тот. Очень высокий, размер обуви не меньше тридцать девятого. Для проформы он все же провел допрос. Живет в Баньоле, улица Сади-Карно, сорок пять. Учится в четвертом классе. Бас. Увлекается гитарой. Электрической, грохочущей, с насыщенным звуком. Отставной полицейский сфотографировал его взглядом: жесткие волосы, круглые очки. С виду больше похож на примерного ученика, чем на культового гитариста.

Между шестнадцатью и шестнадцатью тридцатью Тимоте был во дворе, разговаривал с подружкой по мобильному. Последний взгляд в круглые очки. Ни двойного дна. Ни секретов.

– Можешь идти, – разрешил армянин.

Кухонная дверь закрылась, оставив за собой тишину – и крест.

Касдан взглянул на свой список: ничего.

Шанс сдвинуться с мертвой точки не оправдался.

Девятнадцать тридцать.

Касдан поднялся.

Он знал, что ему делать дальше.

Но сначала надо съездить в Альфорвилль – за угощением.

В холле возвышались мраморные бюсты бывших директоров Института судебной медицины: Орфила (1819–1822), Тардые (1861–1879), Бруарделя (1879–1906), Туано (1906–1918)...

– Честно говоря, ты раздался.

Касдан обернулся: показался Рикардо Мендес в зеленом халате, на шее бейдж «ИСМ». В этом одеянии он из испанской оперетты перескочил в серию «Скорой помощи». Но смуглая кожа осталась при нем, а вместе с ней солнечное, золотистое очарование островов Карибского моря.

Касдан подмигнул ему и показал на статуи:

– Может, однажды и ты здесь окажешься?

– Ты меня достал. Я же сказал, что сам позвоню.

Армянин помахал стеклянной бутылкой и пластиковым пакетом:

– Тебе нужен перерыв, по глазам вижу. А я принес ужин!

– Некогда. Я по локоть в формалине.

Отставной полицейский указал на окна, за которыми темнел центральный сад:

– Устроим пикник на свежем воздухе, Рикардо. Закусим, выпьем по маленькой, и я тут же свалю.

– Ну достал... – Он снял перчатки и сунул в карман. – Пять минут, не больше.

Еще в девяностых годах по настоянию директрисы Института судебной медицины профессора Доминик Леконт двор морга превратили в цветущий сад. Место отдыха, засаженное кустами самшита и сирени, ландышами и нарциссами. Слева плакучая ива склонилась над фонтаном. Пусть и без воды, его круглый светлый бассейн действовал умиротворяюще. Правую стену украшала роспись. Полустертые женские фигуры, в томных позах застывшие на фоне кирпичных сводов. Старые приятели расположились на скамье, которую, похоже, кто-то приволок сюда из общественного сада. Касдан вынул свертки в алюминиевой фольге. Осторожно развернул один:

– Пахлава. Это вроде блинов с начинкой из меда и орехов.

– Их что, под мышками раскатывают? – прыснул Мендес.

– Попробуй, – сказал Касдан, протягивая ему бумажную салфетку. – А потом уже смейся.

Патологоанатом взял одну из лепешек, нарезанных треугольными кусками, и стал есть. Касдан последовал его примеру. Оба смаковали лакомство молча. Поодаль слышался гул машин на скоростном шоссе, проходившем за моргом, и время от времени с гудком проносились поезда надземного метро.

– Смотрел новости? – Касдан решил завязать разговор. – В Ассамблее наши дела продвигаются. Рассматривают проект закона...

– Предупреждаю, – выговорил Мендес с набитым ртом. –

Если ты заведешься насчет армянского геноцида, я лучше сразу перелезу через стену и брошусь под колеса на шоссе.

– Ты прав. Мне надо следить за собой. Я стал повторяться.

– Ты всегда повторялся.

Касдан рассмеялся и снова порылся в пакете. Извлек из него два пластмассовых стаканчика и наполнил их густой белой жидкостью.

– Мацун, – пояснил он. – Это такой йогурт. А ты знаешь, что йогурт придумали армяне?

Они чокнулись. Мендес снова взялся за пахлаву.

– Вкусные фиговины. Ты их сам готовишь?

– Нет. Одна знакомая. Вдова из Альфорвилля.

– Просто находка.

– Настоящая жемчужина.

У них над головами прогудел поезд.

– Вдовы... – задумчиво повторил кубинец. – Мне бы тоже стоило о них подумать. При моей-то профессии – плевое дело.

Касдан снова наполнил стаканчики и, смеясь, провозгласил:

– За мужскую смертность.

Они выпили и замолчали. Из рта у них вырывались облатка пара. Касдан поставил стаканчик и скрестил руки.

– Думаю скоро отправиться в путешествие.

– Куда?

– На родину. И в этот раз – по большому кругу.

– Какому кругу?

– Старина, если бы ты меня чаще слушал, то знал бы, что Армению самым скандальным образом растащили на части. От трехсот пятидесяти тысяч квадратных километров исторической территории осталось маленькое государство, занимающее десятую часть этих земель.

– И куда делось все остальное?

– Главным образом перешло к Турции. Я сменю имя и пересеку границы Анатолии.

– А имя-то зачем менять?

– Затем, что если ты приехал в Турцию и у тебя армянская фамилия, мало тебе не покажется. А если вздумаешь отправиться на гору Арарат, к тебе приставят военный конвой, и нет никакой уверенности, что ты оттуда вернешься.

– И что ты там забыл?

– Хочу посмотреть на первые в мире церкви. Когда в римских цирках христиан бросали на растерзание зверям, мы, армяне, уже возводили храмы. Я хочу обойти все места, где строительство велось еще в пятом веке. «Мартирии» – усыпальницы, в которых покоились останки святых мучеников. Часовни, выдолбленные в скалах, стелы... А потом посещу базилики золотого седьмого века. Я уже набросал маршрут.

Мендес взял еще пахлавы:

– Хрен знает что, а вкусно.

Касдан улыбнулся. Он дожидался, когда еда окажет свое действие. Мед, орехи, сахар. Все эти компоненты попадут

кубинцу в кровь и погасят его попытки к сопротивлению. Патологоанатом тем временем грыз пахлаву, даже не подозревая, как она изнутри подгрызает его самого.

– Ладно, – произнес наконец армянин. – Что же тебе поведал этот труп?

– Сердечная недостаточность.

– Ты же клялся, что это убийство!

– Дай договорить. Сердечная недостаточность, вызванная острой болью.

Касдан подумал о крике, застрявшем в органе.

– А точнее, болью в барабанных перепонках. Кровь вытекла из ушей.

– Ему прокололи барабанные перепонки?

– Вот-вот. Барабанные перепонки и вообще орган слуха. Это установлено специалисткой-отоларингологом. По всей видимости, убийца с силой воткнул ему в каждое ухо что-то острое. И я неспроста говорю о силе. Будь такое возможно, я бы назвал вязальную спицу и молоток.

– Поподробнее, если можешь.

– Мы исследовали уши отоскопом. Острие проткнуло барабанную перепонку, разрушило слуховые косточки и достигло улитки. Поверь мне, нужно очень постараться, чтобы затронуть эту область. У твоего чилийца не было ни единого шанса. Мгновенная остановка сердца.

– Неужели так больно?

– У тебя самого когда-нибудь был отит? В органе слуха до

фига нервных окончаний.

За сорок лет службы в полиции Касдан о таком слышал впервые.

– Разве можно умереть от боли? Я считал, что это сказки.

– Не вдаваясь в подробности, у нас две нервные системы. симпатическая и парасимпатическая. Все жизненные функции основаны на балансе этих двух структур: сердцебиение, артериальное давление, дыхание. Сильный стресс способен нарушить равновесие и привести к роковым последствиям. Так бывает, например, когда кто-то теряет сознание при виде крови. Эмоциональный шок вызывает дисбаланс двух нервных систем и провоцирует расширение сосудов. И человек тут же падает в обморок.

– Тут речь не об обычном обмороке.

– Нет, конечно. В данном случае стресс был невероятно сильным. И равновесие нарушилось мгновенно. Вот сердце и не выдержало. Убийца хотел, чтобы жертва умерла от боли. И поэтому он выбрал этот способ. Что такого натворил Гетц, чтобы вызвать такую ненависть?

– А об оружии преступления что скажешь?

– Игла. Очень длинная. Очень крепкая. Наверняка металлическая. Завтра утром будем знать точнее.

– Ждешь результатов анализов?

– Ага. Мы извлекли пирамиду височной кости, в которой находится улитка. Ее отправили в биофизическую лабораторию при больнице Анри Мондора для проверки на металли-

зацию. Думаю, они обнаружат частицы, оставленные острым предметом при столкновении с костью.

– Результаты пришлют тебе?

– Сперва эксперту-отоларингологу.

– Фамилия?

– Даже не думай. Я тебя знаю: начнешь донимать ее ни свет ни заря.

– Фамилия, Мендес.

Рикардо вздохнул, достал из кармана сигариллу:

– Франс Одюссон. ЛОР-отделение, больница Труссо.

Касдан записал имя в блокноте. Уже не первый год память играла с ним скверные шутки.

– А токсикологические анализы?

– Через два дня. Но там ничего не найдут. Все очевидно, Касдан. Хоть и необычно, но очевидно.

– А что ты можешь сказать о самом убийце?

– Очень сильный. Очень быстрый. Он в два счета проколол обе барабанные перепонки, прежде чем органист упал. Одно молниеносное движение. И очень точное.

– По-твоему, он знаком с анатомией?

– Нет. Но сноровки ему не занимать. Попал в десятку.

– Ты можешь вычислить его рост и вес?

– Кроме его силы, тут ничего не вычислишь. Говорю тебе, чтобы проткнуть кость, нужна редкая сила. Разве только он использовал какой-то прием, о котором нам пока ничего не известно.

– Ты не нашел следов на теле? Например, на мочках? Слюны или еще чего-нибудь, чтобы определить ДНК?

– Какое там. Сам убийца не касался жертвы. Контакт был только с орудием убийства.

Касдан встал и положил руку на плечо эксперта:

– Спасибо, Мендес.

– Не за что. И вот тебе бесплатный совет. Брось ты это дело. Ты уже слишком стар. Парни из уголовки обстряпают все в лучшем виде. И двух дней не пройдет, как они найдут мерзавца, который это сделал. Готовься к своему путешествию и оставь всех в покое.

У Касдана вырвалось изо рта облачко пара.

– Убийца осквернил мою территорию, – тихо сказал он. – Я найду его. Я – хранитель храма.

– Ты – зануда каких поискать.

Касдан наградил его самой обаятельной улыбкой на свете:

– Остатки пахлавы – твои.

Вильгельм Гетц жил на улице Газан, в доме номер 15–17, напротив парка Монсури.

Касдан пересек Сену по Аустерлицкому мосту и по бульвару Опиталь добрался до площади Италии. Следуя линии надземного метро, доехал до бульвара Огюст-Бланки, затем до площади Данфер-Рошро и отсюда двинулся по проспекту Рене-Коти, где уже ощущался простор и покой парка Монсури, расположенного в самом конце.

Возле парка он свернул налево и припарковался на проспекте Рей, в трехстах метрах от цели поездки. Просто по привычке соблюдать осторожность.

Всю дорогу он переживал из-за неудачи с мальчишками. Он поспешил воспользоваться удобным случаем – и просчитался. А уж если допрос не задался, этого не исправить. Из ребят больше ничего не вытянуть. Тут он облажался по полной.

Ты уже слишком стар, сказал Мендес. Возможно, он прав. Но выпустить из рук это убийство – выше сил Касдана. То, что насилие добралось до него в самой его норе, – знак свыше. Он обязан раскрыть тайну. И остановиться на этом. Потом будет великое путешествие. Исконные церкви. Каменные кресты. Древние стелы.

Прежде чем включить в машине освещение, Касдан убе-

дился, что на проспекте никого нет. В конторе собора он стащил карточку Вильгельма Гетца, заполненную самим органистом при поступлении на службу. Чилиец сообщил о себе очень немного. Родился в Вальдивии (Чили) в 1942 году. Холост. Проживает в Париже с 1987 года.

К счастью, Саркис тогда сам опрашивал музыканта и сделал карандашом кое-какие пометки. До 1964 года Гетц получал музыкальное образование в Вальпараисо. Играл на органе и рояле, изучал гармонию и композицию. Затем поселился в Сантьяго, преподавал в Национальной консерватории фортепиано. Участвовал в политической жизни страны, поддерживал Сальвадора Альенде на пути к власти. В 1973-м, когда военщина во главе с Пиночетом устроила государственный переворот, Гетца арестовали и подвергли допросам. Дальше в биографии зиял провал. До 1987-го, когда Гетц появился во Франции, получив статус политического беженца.

За двадцать лет в Париже чилиец нашел себе место под солнцем: играл на органе во многих приходах и был регентом нескольких церковных хоров. Кроме того, давал частные уроки фортепиано. Все очень солидно. На это он мог жить в столице, наслаждаясь радостями старой доброй демократии. Вильгельму Гетцу удалось осуществить мечту каждого эмигранта: раствориться в общей массе.

Касдан мысленно представил себе чилийца. Красноватое лицо. Густая высокая шапка белоснежных волос, курчавых,

как овечья шерсть. Ничего примечательного. Под густыми бровями – глубоко посаженные глаза. Бегающий взгляд. Касдан никогда ему не доверял. Одар. Неармянин...

Бывший сыщик подавил в себе прилив первобытного раизма и тут же осознал, как мало сострадания вызвала у него смерть бедолаги. Что это – равнодушие? Или просто старость? Чем дольше он служил в полиции, тем толще делалась его шкура. Особенно в последние годы, в уголовке, когда чуть ли не ежедневно приходилось иметь дело с трупами и кровавыми убийствами.

Касдан выключил в машине свет. Достал из бардачка ручку-фонарик «сирчлайт», хирургические перчатки, обрывок рентгеновского снимка. Вышел из машины. Запер ее, заодно осмотрев капот. Тщательно стер крохотное пятнышко птичьего помета и окинул машину удовлетворенным взглядом. Вот уже пять лет он сдувал пылинки с «вольво-универсала», купленного при выходе на пенсию. Не придерешься.

Вдоль решетки парка он двинулся по проспекту Рей к улице Газан, наслаждаясь мирной атмосферой квартала на границе Четырнадцатого округа. Покой. Тишина. Если бы не отдаленный шум с бульвара Журдан, можно было бы поверить, что ты где-то в провинции.

Для 22 декабря погода стояла пугающе теплая. Необъяснимо мягкая зима нынешнего 2006 года нагоняла на людей страху, суля более или менее скорое наступление конца света.

Эта мысль повлекла за собой другую. Он подумал о будущих поколениях. О сыне Давиде, от которого уже два года не получал никаких известий – с тех пор как умерла жена, Нарине. У него свело желудок. Где сейчас Давид? По-прежнему в Армении, в Ереване? Когда Давид уезжал, он упрекнул его в том, что тот будет «объедать Армению». Словно до него этим не озаботились поколения завоевателей...

Боль в желудке обернулась яростью. У него отняли все – семью и возможность ее защищать, вот уже почти тридцать лет составлявшую стержень его существования. Ему хотелось, чтобы бешенство обратилось против небес, против судьбы, но в глубине души он злился на себя самого. Как мог он позволить сыну уехать? Как допустил, чтобы между ними встали гордыня, гнев и упрямство? Он всем пожертвовал ради мальчишки, но хватило одной-единственной ссоры, чтобы разрушить между ними мосты.

Он дошел до перекрестка проспекта Рей и улицы Газан. Дом 15–17 – чуть подальше по правой стороне. Один из уродливых корпусов постройки шестидесятых, самый вид которых неизменно нагоняет тоску. Бежевый оштукатуренный фасад. Давно не мытые окна. Загаженные балконы с решетками, смахивающими на тюремные. Социальное жилье. Наверняка чилиец получил его благодаря своему статусу беженца.

Кастан воспользовался универсальным ключом, чтобы проникнуть в подъезд. Тусклое освещение. Крашенные под

мрамор стены. Застекленные двери. Армянин и сам долгие годы прожил в похожем здании. Они с тем же успехом способны заменить нормальное жилище, с каким пластиковая мебель заменяет деревянную. Подделка, фальшивка, туфта. И в ее окружении текут, не оставляя следа, неразличимые людские жизни. Он подошел к почтовым ящикам и отыскал указатель с именами жильцов и номерами квартир. Гетц жил на третьем этаже, в квартире 204. Касдан тихо поднялся по ступенькам и осмотрел коридор. Никого. Только приглушенные звуки телевизора за стеной. А вот и квартира 204. Хлипкая, расшатанная дверь из фанеры, покрытой коричневым лаком. Дешевый замок двухточечной фиксации. Открыть такой – раз плюнуть. Дверь не опечатана. Полицейские еще не приходили. Разве что Верну заскочил втихаря. Он ведь, наверное, нашел в карманах у Гетца ключи...

Касдан приложил ухо к перегородке. Тишина. Он вынул кусочек рентгеновской пленки, свернутый в кармане трубочкой, и просунул его между дверью и косяком. Дверь не заперта – Гетц не опасался воров. Касдан резко провел рукой сверху вниз, одновременно нажав на дверь плечом. Через секунду он оказался внутри.

Он не сделал в прихожей и шага, когда в квартире раздался какой-то шум.

Хлопнула застекленная дверь.

Он закричал: «Стоять! Полиция!» – и бросился в коридор. И тут же его рука схватила пустоту – он не взял с собой

оружия. Наткнулся на мебель, выругался, побежал дальше, неуверенно оглядываясь, но всякий раз его взгляд упирался в темноту.

Коридор вел в гостиную.

Застекленная дверь распахнута: тюлевая занавеска колыхается в потемках.

Касдан выскочил на балкон.

Вдоль ограды парка бежал человек.

Армянин не понял, как беглецу удалось спрыгнуть с третьего этажа. Потом он разглядел фургончик, стоявший прямо под балконом. На крыше от удара осталась вмятина. Не раздумывая, Касдан перешагнул через перила и прыгнул.

На крыше фургона его подбросило, и он покатился набок, неловко схватился за прикрученный к крыше багажник и спустился, цепляясь за дверцу. Оказавшись на земле, он не сразу сориентировался: улица, дома, фигура бегущего с подпрыгивающим рюкзаком за плечами, который уже сворачивал налево, на проспект Рей.

Касдан выругался себе под нос:

– Твою мать!

Он поспешил за ним. Ежедневные тренировки – утренний джоггинг, спортзал, строгая диета – наконец-то сослужат ему службу.

Проспект Рей.

Тень опережала его метров на двести. В темноте она казалась лишенной суставов. Руки мотаются по сторонам, рюкза-

зак подпрыгивает в такт бегу. Беглец выглядел молодым. Неровный шаг выдавал его панику. Касдан, напротив, чувствовал себя в отличной форме: разогреваясь, он ощущал прилив сил. Он догонит подонка.

Тот пересек проспект Рене-Коти, не свернув направо, к Данфер-Рошро, – Касдан готов был поклясться, что он выберет это направление, – и продолжал бежать прямо, по левому тротуару, вдоль стены водопроводной станции Монсури. Касдан в свою очередь перешел на другую сторону. Расстояние между ними сокращалось. Теперь их разделяло не больше ста метров. Шаги гулко разносились по темной улице, отдаваясь от глухой стены огромного здания, похожего на гигантский храм майя с покатыми стенами.

Пятьдесят метров. Касдан не сбавлял темп. Он должен как можно скорее догнать негодяя. Еще несколько минут, и у него не хватит пороху, чтобы сделать бросок и уложить его на землю. К тому же он чувствовал, что беглец ориентируется на местности. Он не случайно выбрал этот проспект. У него какой-то план. Или его ждет тачка?

Словно в ответ на его мысли бегущий пересек проспект, направляясь к столбу на автобусной остановке. Вцепившись в указатель маршрута, он вскарабкался вверх, еще подпрыгнул и сумел ухватиться за край стены водопроводной станции. Только что казавшийся неуклюжим, он на глазах превращался в чуть ли не акробата. Перекатившись на бок, вскочил и снова побежал, удерживая равновесие на узкой

стене.

На все ушло меньше пяти секунд.

Касдан сомневался, что ему удастся повторить этот подвиг. К тому же ни сам столб, ни тем более указатель не выдержат его ста десяти килограммов. Но искать иной выход слишком поздно. Он перебежал на другую сторону. Закинул руку на край указателя. Мгновенно подтянулся. Указатель прогнулся, но он успел ухватиться другой рукой за край стены. Вцепившись в камень, оперся локтем, снова подтянулся и в свою очередь тяжело перекатился на бок. Откашлялся, сплюнул и поднялся на ноги. Сердце билось как бешеное, но его охватила гордость. Он это сделал.

Он поднял глаза. Его добыча уже неслась по вершине холма, четко вырисовываясь на фоне темного неба. Кинокадр, достойный старого доброго фильма Хичкока. Тень словно бежала по небу, обрамленная двумя керамическими башенками, отражавшими лунные блики.

Не размышляя, Касдан бросился следом, поднялся по каменным ступеням, затем ухватился за железные перила наружной лестницы, ведущей на плоскую крышу пирамиды. Сгибаясь от усталости, задыхаясь, армянин добрался до вершины.

От того, что он увидел, у него окончательно перехватило дыхание. Три гектара лужайки, настоящее футбольное поле, парящее над Парижем. Уличный свет снизу окутывал его фантастическим сиянием, превращая храм майя в све-

тящийся космический корабль. И по этому полю все бежал и бежал человек, словно метафизический символ, олицетворение человеческого одиночества перед лицом Вселенной. Кровь стучала в висках, легкие горели, но Касдан позволил себе еще одно поэтическое сравнение. Вся эта сцена напоминала картину Ди Кирико. Пустой пейзаж. Бесконечные линии. Вездесущее небытие.

Касдан снова бросился в погоню, задыхаясь, почти теряя сознание. Теперь у него кололо в боку, ныли колени. Он пересек необъятную поверхность, зеркало ночи, чувствуя под подошвами упругую траву. Человек по-прежнему бежал впереди...

Вдруг он остановился. Над крышей возвышался стеклянный гриб. Он наклонился, приподнял панель, отразившую лунный свет, и исчез.

Беглец нырнул в глубины водопроводной станции Монсури.

Армянин добрался до оставшегося открытым отверстия. Вот еще одно подтверждение: беглецу знакомы эти места. Стекланный люк ему удалось открыть в рекордное время. Может, у него есть ключи? Бред какой-то. Зажимая рукой колющий бок, Касдан стал спускаться по ведущей прямо во тьму лестнице.

Винтовая. Перила железные. И уже ощущается сырость. На нижних ступеньках он застыл, давая себе время освоиться с темнотой. Он знал, где находится. Как-то по телевизору показывали документальный фильм об этой станции. Здесь сосредоточена треть парижской питьевой воды. Тысячи гектолитров, отведенных из многих родников и рек, защищенные от воздействия тепла и нечистот, ждут, пока парижане используют их для питья, душа, мытья посуды...

Касдан ожидал увидеть цистерны, закрытые емкости. Но вода плескалась у него под ногами просто так, ничем не прикрытая. Необъятная зеленая поверхность, утыканная сотнями красных столбов, едва различимых в полумраке. Сейчас, ночью, уровень воды достигал максимальной отметки. Не самое подходящее время для купания. Он достал фонарик и направил свет на поверхность бассейна. В глубине ему удалось различить номера у подножия столбов, словно древние мозаики, ушедшие под воду. E34, E39, E42...

Касдан прислушался. В недрах пещеры ни звука, не считая легких всплесков и глубокого невнятного отзвука, издаваемого водой. Где его беглец? Либо уже далеко отсюда, бежит по проходу, о котором он и не подозревает, либо, напротив, совсем близко, в каком-нибудь укрытии – тогда он его отыщет...

Он поводил фонариком, чтобы лучше осмотреться. Оказывается, он на огибающем верх резервуара балконе, который справа и слева переходит в сводчатый коридор. Решив повернуть направо, он нырнул в галерею. По стенам стекала вода. На полу собирались лужицы. Левая стена местами доходила только до пояса, открывая вид на воду. Жидкая зеленоватая масса, прозрачная и недвижимая. Столбы, соединяясь наверху, превращались в множество стрельчатых арок, будто в древнем монастыре, образуя бесконечную перспективу. Зеленая вода и красные колонны напоминали мавританские узоры, яркие цвета эмалей. Альгамбра для троглодитов.

Лампа высветила кое-что еще. В правой стене, прямо в камне, был выдолблен целый ряд аквариумов. Внутри над устланным камешками дном плавали форели. Бывший полицейский вспомнил фильм. Раньше этих форелей помещали прямо в воду, чтобы проверить ее чистоту. От малейшего загрязнения рыба дохла. Сейчас у хранителей подземных вод появились другие методы тестирования, но форелей оставили. Видимо, чтобы сохранить атмосферу.

И по-прежнему ни звука. В конце концов он затеряется в

этих коридорах. В голову пришло очередное сравнение. Лабиринт Минотавра. В водяном исполнении. Он вообразил морское чудище, которое подстерегает добычу и затем пожирает ее в глубине неподвижных вод...

Послышался кашель.

Звук был такой короткий и неожиданный, что Касдан решил – ему померещилось. Он выключил лампу. Пронизывающий холод, как ни странно, шел ему на пользу. С каждой минутой его тело приходило в норму.

И снова кашель.

Тот, кого он искал, прячется где-то здесь и дрожит от холода. Касдан вслепую пошел дальше, стараясь повыше поднимать ноги. Шум раздался в нескольких десятках метров от него.

Опять кашель.

Осталась всего пара шагов.

Касдан улыбнулся. Этот тихий болезненный кашель выдавал слабость противника. Уязвимость, хорошо вязавшуюся с фигуркой, которую он видел бегущей вдоль решетки парка.

– Выбирайся из норы. – Его голос звучал успокаивающе. – Я не сделаю тебе ничего плохого.

Молчание. Водяные всплески. Хлюпанье под ногами, погружавшимися в слякоть. Запах залитого водой подвала, от которого у него защекотало в носу. Справа в аквариумах – равнодушные форели. Слева – бесконечные сводчатые галереи. Касдан сменил тон:

– Выходи, я вооружен.

После короткой паузы послышалось:

– Я здесь...

Касдан включил фонарик и двинулся на голос. Под обшарпанным сводом скорчился человек. Армянин посветил ему в лицо, чтобы подкрепить свою угрозу. Тот забился в нишу. Касдан слышал, как громко стучат его зубы. Скорее от страха, чем от холода. Не торопясь, он рассматривал поверженную добычу с головы до ног, водя лучом фонарика.

Индиец.

Молодой человек с темной кожей и еще более темными волосами.

Правда, глаза у парня были зеленые. Радужки неестественно светлые, словно он носит контактные линзы. Эта прозрачность странным образом гармонировала с огромным бассейном у них за спиной. Касдан подумал о креольских и голландских полукровках, которые встречаются на Карибских островах.

– Ты кто?

– Не бейте меня...

Касдан схватил парня за руку и вытащил из укрытия. Одним рывком поставил его на ноги. Не больше шестидесяти насквозь промокших килограммов.

– ТЫ КТО?

– Меня звать... – Он закашлялся, затем продолжал: – Меня звать Насерудин Саракрамата. Но все называют меня На-

сером.

– Ну ты даешь. Ты откуда?

– С острова Маврикий.

От экзотики никуда не денешься. Легавый-армянин допрашивает маврикийца насчет регента-чилийца. Прямо не расследование, а «world kitchen»² какая-то.

– Что ты забыл в квартире Гетца?

– Хотел забрать свои вещи.

– Свои вещи?

Мимолетная улыбка возникла на розовых губах индийца. Улыбка, которую Касдану тут же захотелось стереть ударом кулака. Он начинал догадываться, о чем пойдет речь.

– Я друг Вилли. То есть Вильгельма.

Касдан выпустил его.

– Объясни.

Молодой человек неприятно извивался. Приходя в себя, он обретал привычные манеры.

– Его друг... Короче, его бойфренд.

Касдан не выносил гомиков – всех вообще, а пассивных особенно. Он посмотрел на пленника. Тонкая фигура. Хрупкие запястья и пальцы, униженные кольцами и браслетами. Джинсы с заниженной талией. Все эти детали только подтверждали первое впечатление.

Мысленно армянин перетасовал карты, чтобы начать новую игру. У Вильгельма Гетца была причина держать лич-

---

² Всемирная кухня (англ.).

ную жизнь в тайне. Педик старой закалки. Скрывающий свои сексуальные предпочтения как постыдный секрет.

– Рассказывай.

– Что... что вы хотите знать?

– Все. Для начала.

– Я познакомился с Вилли в префектуре полиции. Мы стояли в очереди за документами. За видом на жительство.

За годы службы в полиции Касдан привык верить таким историям. Чем она нелепее, тем больше шансов, что человек не врет.

– Мы оба – политические беженцы.

– Ты – беженец?

– После победы Маврикийского социалистического движения и прихода к власти Анируда Джагнота я...

– Твои документы.

Маврикиец ощупал куртку и вытащил бумажник. Касдан выхватил его у него из рук. Фотографии островов, Гетца и смазливых парней. Презервативы. Армянин подавил тошноту. Он боролся с душившими его отвращением и бешенством, готовыми вырваться наружу.

Наконец он нашел вид на жительство и паспорт. Касдан сунул их в карман, а остальное швырнул мальчишке в лицо.

– Конфисковано.

– Но...

– Заткнись. Когда вы познакомились?

– В две тысячи четвертом. Мы посмотрели друг на друга. И... Ну, в общем, мы друг друга поняли.

Он говорил гнусаво, с каким-то тягучим акцентом, полу-

индийским, полукреольским.

– Давно в Париже?

– С две тысячи третьего.

– Жил у Гетца?

– Я ночевал у него три раза в неделю. Но мы созванивались каждый день.

– Другие мужчины у тебя есть?

– Нет.

– Лучше не заливай.

Гомик томно изогнулся. Все в нем дышало женственностью. У Касдана сдавали нервы. Настоящая аллергия на голубых.

– Ну да, я встречаюсь и с другими.

– Они тебе платят?

Экзотическая птица промолчала. Касдан посветил ему лампой прямо в лицо. Темная кошачья мордочка с выступающими челюстями. Короткий нос с круглыми маленькими ноздрями, расположенными очень близко к спинке носа, словно дырки от пирсинга. Чувственные губы, более светлые, чем кожа. И светлые глаза, такие заметные на медном лице, под припухлыми, как у боксера, веками. Для любителей этот золотистый паренек – просто лакомый кусочек.

– Ну да, они подкидывают мне деньги.

– И Гетц тоже?

– Ион.

– Почему ты именно сегодня пришел за своими вещами?

– Я... – Он снова откашлялся, потом сплюнул. – Неприятности мне ни к чему.

– Какие неприятности?

Насер поднял на него полные истомы глаза. От слез они блестели еще ярче.

– Я знаю про Вилли. Он умер. Его убили.

– Откуда ты узнал?

– Вечером у нас было назначено свидание. В кафе на улице Вьей-дю-Тампль. Он не пришел. Я беспокоился. Позвонил в церковь Иоанна Крестителя. Поговорил с кюре.

– Иоанн Креститель – армянская церковь. У нас не кюре, а батюшки.

– Короче, я с ним поговорил. И он мне сказал.

– Откуда у тебя телефон?

– Вилли составил расписание. Время, адрес и телефоны. Церквей и семей, в которых он давал уроки. Так я всегда знал, где он.

На губах у него появилась улыбочка. Сладенькая. Липкая. Мерзкая.

– Я вообще-то ревнивый.

– Давай сюда расписание.

Насер безропотно снял рюкзак и открыл передний карман. Из него он достал сложенный листок. Касдан схватил его и пробежал глазами. О таком улове он и не мечтал. Названия и адреса приходов, где работал Гетц. Координаты каждой семьи, в которой он давал уроки фортепиано. Чтобы

собрать только эти сведения, Верну понадобится не меньше двух дней. Он убрал список в карман и снова обратился к индийцу:

– Не похоже, чтобы ты был потрясен.

– Я потрясен, но не удивлен. Вилли грозила опасность. Он говорил мне, что с ним может что-то случиться.

Заинтересовавшись, Касдан наклонился к нему:

– Он сказал тебе почему?

– Из-за того, что он видел.

– А что он видел?

– В Чили, в семидесятых.

Значит, все-таки политика?

– О'кей, – произнес Касдан. – А теперь не будем спешить. Ты подробно расскажешь мне, что именно говорил тебе Гетц.

– А он никогда и не говорил. Я только знаю, что в семьдесят третьем Вилли бросили в тюрьму. Допрашивали. Пытали. Он перенес жуткие страдания. А теперь, когда ситуация поменялась, решил дать показания.

– Какая еще ситуация?

Насер снова улыбнулся. Но теперь это была презрительная усмешка. Чтобы не ударить его, Касдан засунул кулаки подальше в карманы.

– Вы разве не знаете, что тогдашних палачей сейчас преследуют? В Чили? В Испании? В Великобритании? Во Франции?

– Да, что-то такое слышал.

– Вилли собирался дать показания против этих негодяев.

Но чувствовал, что за ним следят.

– Он обращался к судье?

– Вилли об этом не рассказывал. Говорил: меньше знаешь

– крепче спишь.

История не внушала Касдану доверия. Он не понимал, с какой стати органисту чувствовать себя в опасности из-за событий тридцатипятилетней давности, тем более что большинство процессов так и не состоялось, потому что обвиняемые, в том числе Аугусто Пиночет, умерли естественной смертью до окончания суда.

– Он называл имена?

– Говорю вам, ничего он мне не рассказывал. Но он боялся.

– Выходит, эти люди знали, что он намерен заговорить?

– Да.

– И ты понятия не имеешь, что за тайну он скрывал?

– Слышал краем уха про операцию «Кондор».

– Что-что?

– То, что вы совсем тупой.

Касдан занес руку. Индеец втянул голову в плечи. Рядом с громоздким армянином он выглядел крошечным.

– Вы признаете только насилие, – упрямо пробормотал Насер. – Вилли боролся против таких, как вы.

– Что это за операция «Кондор»?

Маврикиец набрал воздуха:

– В середине семидесятых диктатуры Латинской Америки решили объединиться, чтобы уничтожить всех своих противников. Бразилия, Чили, Аргентина, Боливия, Парагвай и Уругвай создали что-то вроде международной милиции, которая должна была отслеживать левых эмигрантов. Они собирались искать их повсюду – не только в Латинской Америке, но и в США и в Европе. Планировали похищения, пытки и убийства.

Касдан слышал об этом впервые. Насер подлил масла в огонь, добавив:

– Это же всем известно. Элементарно.

– Откуда Гетц прознал про операцию?

– Наверное, что-то слышал в тюрьме. Или просто мог опознать своих палачей. Исполнителей операции «Кондор». Не знаю...

– Когда он собирался дать показания?

– Без понятия. Но он нанял адвоката.

– Фамилия?

– Не знаю.

Касдан подумал, что надо будет посмотреть телефонные распечатки Гетца, – разве что старый гомосек проявил осторожность и пользовался телефонной будкой. Он представил себе его безумный образ жизни – в вечном страхе перед любой тенью. И тут же вспомнил, что дверь его квартиры не была закрыта на ключ. Не сразу сообразил, что ее открыл

индиец.

– У тебя были ключи от квартиры Гетца?

– Да, Вилли мне доверял.

– Почему ты пришел за вещами?

– Не хочу оказаться замешанным в этом деле. Для полиции я всегда виноват. Я иностранец. И гомосексуалист. Вот сразу два преступления.

– Ты сам это сказал. Где ты был сегодня в шестнадцать часов?

– Вы меня подозреваете?

– Где ты был?

– В турецких банях на Больших бульварах.

– Проверим.

Он произнес это машинально. Проверять он ничего не собирался по той простой причине, что ни в чем не подозревал мальчишку. Ни на секунду.

– Расскажи-ка мне о вашей совместной жизни.

Насер вздернул плечо и вильнул бедрами.

– Мы прятались. Вилли не хотел, чтобы это вышло наружу. Разрешал мне приходить к нему только ночью. Он всего боялся. Я думаю, что Вилли так и не оправился после того, что ему пришлось перенести.

– Другие любовники у него были?

– Нет. Вилли слишком робкий. Слишком... чистый. Он был мне другом. Настоящим другом. Даже если нам было непросто встречаться, он осуждал, что я... Ну, хожу нале-

во. Он и самого себя осуждал. Не принимал собственных наклонностей... Его вера не давала ему покоя, понимаете?

– Более-менее. А с женщинами он не встречался?

Насер прыснул. Касдан продолжал:

– Как по-твоему, у него были враги, кроме политических?

– Нет. Мягкий, спокойный, щедрый. Он бы и мухи не обидел. Его единственная страсть – это хоры. У него был дар учить детей. Он собирался разработать программу обучения пению для подростков, у которых ломается голос, чтобы они могли продолжать заниматься музыкой. Если бы вы его знали...

– Я его знал.

Насер удивленно посмотрел на него:

– Тогда как же вы...

– Забудь. Сегодня, когда ты убегал от меня, ты бросился сюда. Тебе знакомо это место?

– Да. Мы с Вильгельмом бывали здесь. Нам нравилось прятаться, ну и... – Он снова прыснул. – Для остроты ощущений...

Касдан отчетливо представил себе двух мужчин, предающихся страсти над массой зеленоватой воды. Он и сам не знал, тошно ему или смешно.

– Дай-ка мне мобильный.

Насер повиновался. Одним пальцем Касдан записал свой номер под именем «легавый».

– Вот мой номер. Если хоть что-нибудь вспомнишь, зво-

ни. Меня зовут Касдан. Нетрудно запомнить, верно? У тебя есть жилье?

– Да, комната.

– Адрес?

– Бульвар Малерб, сто тридцать семь.

Касдан записал адрес и внес в память номер его сотового. На прощание он схватил его рюкзак и вывернул прямо на грязный пол. Зубная щетка, две книги, рубашки, майки, дешевые безделушки, несколько фотографий Гетца. В этих предметах заключалась вся печальная судьба несчастного педика.

Армянина охватила жалость, и сама эта жалость вызвала у него гадливость. Помимо воли он нагнулся, чтобы помочь парнишке собрать вещи.

В этот момент Насер мягко поймал его руку:

– Защитите меня. Может, меня они тоже убьют. Я сделаю все, что вы хотите.

Касдан резко отдернул пальцы:

– Убирайся.

– А мои документы?

– Их я оставлю.

– Когда я получу их обратно?

– Когда я скажу. Убирайся.

Индеец не двигался с места, не спуская с него затуманенных глаз. Касдан заорал по-настоящему:

– Вали отсюда, пока я тебе не врезал!

Паркет уплывал у него из-под ног.

Иначе не скажешь. Пол в квартире, когда он ступал на него, кренился, вызывая ощущение качки. Как будто он стоял на палубе корабля, плывущего по вершинам деревьев в парке, на который выходила все еще открытая застекленная дверь балкона. Касдан запер дверь, задернул занавески, поискал на оконной раме выключатель. Он предполагал, что шторы закрываются при помощи какой-то системы. Наконец он нащупал и нажал кнопку. Штора медленно опустилась, отрезая комнату от внешнего мира и от света уличных фонарей. Когда стало совсем темно, Касдан ощупью закрыл обе двери, ведущие в комнату, и вынул свой «сирчлайт», чтобы найти другую кнопку и включить свет в гостиной. Теперь он не боялся, что его увидят снаружи. Он зажег люстру. Гостиная обставлена грошовой мебелью. Продавленный диван. Книжный шкаф из фанеры. Разрозненные кресла. Гетц не слишком потратился на меблировку.

Ни одной картины на стенах. Ни единой безделушки на полках. Никакой личной ноты во всем этом убранстве. Все вместе напоминало комнату в дешевом пансионе. Касдан подошел к книжному шкафу. Партитуры, биографии композиторов, несколько книг на испанском. Касдан догадывался, что свое пристрастие к скрытности Гетц распространил на

собственную квартиру: здесь ничего не найдешь.

Натянув хирургические перчатки, армянин взглянул на часы: почти полночь. Сколько бы времени это ни заняло, он прочешет квартиру частым гребнем.

Начал он с кухни. При свете уличных фонарей. В сушилке рядом с раковиной – чистая посуда. В стенных шкафах расставлены тарелки и стаканы. Гетц обожал порядок. Холодильник почти пуст. Морозильник набит замороженными блюдами. Похоже, повар из органиста был никудышный. Внимание Касдана привлекла одна деталь: ни намека на пряности или какой-нибудь продукт чилийского производства. Гетц постарался изгнать любые напоминания о прошлом даже из своих кулинарных предпочтений. И ничто не выдавало, что здесь бывал малыш Насер. Гетц не держал дома хлопья для своего любовника.

Перейдя к спальне, он и там первым делом опустил шторы. Включил свет. Тщательно заправленная постель. Голые стены. В гардеробе – унылая поношенная одежда. Ничто не выдавало личности владельца, не считая двух книг из музыкальной серии издательства «Микрокосм». Одна о Бартоке, другая о Моцарте. И крест над кроватью. Все говорило о размеренной жизни лишенного причуд пенсионера. Жизни, хорошо знакомой ему самому...

Но Касдан угадывал здесь нечто другое. За этой сдержанностью, намеренной безликостью что-то кроется. Разумеется, Насер. И другие тайны – в этом Касдан готов был по-

клясться. Где же музыкант прятал свои секреты?

Ванная. Чисто прибранная, и только. Гетц сам наводил порядок и запретил Насеру приносить сюда косметику. Лекарств тоже не оказалось. Для своих лет Гетц обладал отменным здоровьем. Выйдя в коридор, Касдан обнаружил еще одну комнату. Музыкальный салон, в котором почетное место занимали пианино и огромная, отделанная под старину стереоустановка. Гетц обклеил потолок упаковками от яиц, очевидно затем, чтобы сделать комнату звуконепроницаемой. И снова штора. Свет. Бесчисленные выемки на потолке отбрасывали множество теней, достойных кисти Вазарели.

Изучая стены, Касдан осознал, что здесь он прикоснулся к личному пространству Гетца. В салоне все было проникнуто страстью органиста к музыке. Две стены уставлены дисками, но также виниловыми пластинками. Коллекционные экземпляры. Исторические записи опер, симфоний, концертов для фортепиано. И эта комната выдавала присущую старому холостяку чрезмерную педантичность. Несмотря на величие предмета – музыки, – на всем ощущался налет жалкой мелочности, словно припорошивший салон тонким слоем пыли.

Касдан подошел к пианино. Электрическая модель с подключенными стереонаушниками. Он долго рассматривал стереоустановку. Встроенные усилители от «Харман-Кардона». Две звуковые колонки. Сабвуфер. Профессиональные навороты. Все деньги органиста уходило на высокое каче-

ство звука.

На проигрывателе лежала коробочка от диска. Касдан посмотрел на этикетку. Запись хораля Грегорио Аллегри «Мизерере». Армянин с удивлением прочитал текст на обороте коробочки: дирижировал хором Вильгельм Гетц. Он извлек из футляра вкладыш и перелистал его. На развороте – групповая фотография. Окруженный одетыми в белое и черное детьми еще не старый Гетц, улыбаясь, смотрит в объектив. В его глазах был различим отблеск гордости, то сияние, которого Касдан никогда у него не замечал. Уже седовласый, он буквально лучился радостью среди своего хора, своей машины, производящей небесные звуки...

Касдан открыл дисковод и убедился, что там действительно стоит «Мизерере». Не снимая перчаток, он взял с пианино стереонаушники, подсоединил их к усилителю, нажал на «пуск», проверил, выключены ли колонки.

И тут же испытал потрясение.

Хоралы были ему не в диковинку. По воскресеньям в соборе Иоанна Крестителя исполнялись армянские песнопения а капелла. Но здесь звучали не мужские голоса, низкие и мужественные. По-видимому, партитура «Мизерере» предназначалась для детей. Многоголосье, в котором сплетались аккорды невероятной невинности и чистоты.

Хорал начинался длинными выдержанными нотами, словно застрявшими в записывающем устройстве. Казалось, что слышишь округлые и мелодичные звуки живого органа, тру-

бами которому служили дети...

Касдан опустился на пол, не снимая наушников. Он слушал и проглядывал текст вкладыша. Очевидно, «Мизерере» считается шедевром вокальной музыки. Его записывали тысячи раз. Он был сочинен в первой половине семнадцатого века. Грегорио Аллегри служил в хоре Сикстинской капеллы. Более двух веков ежегодное исполнение его произведения составляло часть ритуала. Касдана поразила одна деталь: контраст между мрачным названием «Мизерере»³ и именем композитора – Аллегри, – скорее напоминавшим, как и музыкальный термин «аллегро», о радости, празднике, ликовании.

Вдруг из наушников выплеснулся высокий голос. Голос удивительной нежности и полноты, разрушая все преграды, проникал прямо в душу, мгновенно заставляя горло сжиматься. Голос мальчика, рвущийся ввысь, неуловимый, уходящий за пределы аккордов, следуя очень высокой мелодической линии, словно взлетающей над миром.

Касдан чувствовал, как глаза заволокло слезами. Боже милостивый, он вот-вот заплачет, здесь, в квартире мертвеца, в полночь, сидя на полу в наушниках и хирургических перчатках. Чтобы справиться с волнением, он сосредоточился на вкладыше. Текст был написан самим Вильгельмом Гетцем. Он рассказывал, как в восемьдесят девятом году, в дождливый день, неожиданно для себя самого он сделал эту едва

---

³ Miserere (лат.) – помилуй (меня, Боже), начало покаянного псалма.

ли не божественную запись. Всего десять минут назад маленькие певчие играли в футбол в садах церкви Святого Евстахия в Сен-Жермен-ан-Лэ, где проводилась звукозапись. А потом солист хора, мальчик по имени Режиc Мазуайе, с еще испачканными в уличной грязи коленками, с первого раза пропел свою партию. И тогда в ледяной часовне свершилось чудо. Поразительный голос вознесся высоко под своды нефа...

От вновь навернувшихся слез расплывались строчки. Перед Касданом пронеслась череда воспоминаний. Нарине. Давид. Внезапно на него навалилась печаль, которую он всегда старался загнать внутрь, зная, что ему никогда от нее не отделаться. Такова была власть маленького хориста Режиcа Мазуайе. Одним только звуком своего голоса ему удалось пробудить самую потаенную грусть, воскресить в памяти усопших. Тех, кто никогда не даст вам покоя.

Касдан остановил музыку. И прислушался к тишине, окружавшей его в этих покрытых дисками стенах, под толком из коробок для яиц. И тогда он словно получил знак свыше. Озарение. Один из ключей к убийству заключен в этом волшебном голосе. Или в самом произведении – «Мизерере». Он встал, вынул диск, положил в коробочку и убрал в карман. Этот хор еще не раскрыл ему все свои тайны. Касдан погасил свет. Закрыв шторы. Вышел.

Вернувшись в гостиную, он тщательно перерыл все ящики. Обнаружил личную бухгалтерию Гетца. Бланки социаль-

ного обеспечения, банковские выписки, страховки, платежные квитанции от объединений и приходов, учрежденных по закону 1901 года. Армянин быстро просмотрел документы – ничего интересного. К тому же он не в том настроении, чтобы копаться в цифрах.

В памяти всплыли слова Насера: «Вилли чувствовал, что за ним следят». Возможно, квартиру прослушивали? Наверняка по старинке, при помощи жучка, вставленного в телефонную трубку. Армянин разобрал телефон. Что касается незаконной прослушки, тут у него изрядный опыт, приобретенный в антитеррористическом подразделении. Ясное дело, пусто. Ни следа микрофона.

Он сел в кресло. Подумал. У него уже сложилось определенное мнение о Гетце: не просто скрытный, но прямо-таки одержимый тайной. Если здесь вообще что-то можно найти, придется разобрать всю квартиру по кирпичику. На то у Касдана нет ни времени, ни полномочий. Его взгляд упал на компьютер, стоявший на письменном столе в углу гостиной. Здесь тоже делать нечего. Наверняка машина защищена паролем, и даже если в ней есть секретная информация, Гетц спрятал ее так же тщательно, как и все остальное.

Касдан дал волю воображению. Он обдумывал главное, что ему удалось узнать в этот вечер: Гетц был гомосексуалистом. Вырисовывалась возможная версия: преступление на почве страсти. Конечно, убил его не Насер, а другой любовник, с которым Гетц встречался тайком от маврикийца.

Этот ненормальный чего-то не поделил с чилийцем и задумал убить его болью. Или просто возникла случайная связь, которая затем плохо обернулась. Как бы Касдан ни боролся со своими предрассудками, все гомосексуалисты представляли в его глазах ненасытными извращенцами. Может, Гетц напоролся на психопата?

Его взгляд блуждал по комнате. Он осматривал каждую щель, каждый плинтус, сам не зная, чего ищет. И вдруг над карнизом с занавесками Касдан заметил кое-что необычное. Узкая полоска между дверью и потолком немного отличалась по цвету от остальной стены. Очевидно, ее недавно красили. Касдан ощупывал ее, пока пальцы не наткнулись на бугорок. Он несколько раз провел по нему рукой. Круглый, размером с монету в один евро.

Он принес из кухни нож и снова взгромоздился на свой насест. Осторожно поскреб краску вокруг выступа, подсунул под него лезвие. Резким движением отодрал краску и извлек предмет.

Мороз пробежал у него по коже.

На ладони лежал микрофон.

И не какой попало: одна из фирменных корейских моделей – точно такие в последние годы использовали в судебной полиции. Ему самому не раз случалось устанавливать их в квартирах подозреваемых. Жучок был снабжен звуконосителем, который включал устройство при превышении определенного порога громкости, например, когда хлопала вход-

ная дверь.

По мере того как он собирался с мыслями, кровь в жилах леденела. За Вильгельмом Гетцем действительно следили, но не чилийская милиция и не южноамериканские тайные агенты. Его прослушивала судебная полиция! Если только это были не спецслужбы. В любом случае французишки. Они, родимые.

Касдан посмотрел на улику и перевел взгляд на городской телефон. То, что он не нашел микрофона в трубке, еще ничего не доказывает. В наше время полиция может прослушивать телефонные звонки через «Франстелеком» или операторов мобильной связи. Впрочем, это легко проверить, сделав несколько звонков.

Он положил жучок в карман и возобновил поиски. На этот раз он знал, что ищет. Меньше чем за полчаса он обнаружил еще три микрофона. Один в спальне. Один на кухне. Один в ванной. Пощадили только музыкальный салон. Касдан подбросил все четыре жучка на обтянутой перчаткой ладони. Почему легавые следили за чилийцем? Он действительно готов был дать показания на процессе о преступлении против человечности? И каким боком это касалось Конторы?

Касдан обошел квартиру, проверяя, не оставили ли его «изъятия» слишком заметных следов. Если Верну и его люди будут обыскивать квартиру поверхностно, они ничего не увидят. Армянин поставил мебель на место, выключил свет,

поднял шторы и вышел из квартиры пятясь, тихонько прикрыв за собой дверь.

На сегодня с него довольно.

Крик раздирал его на части.

Вопил не он, Седрик Волокин, а его нутро. Неслыханная боль, выплеснувшаяся из самых его потрохов, в горле превратилась в огненную струю. Его вырвало. И снова вырвало. Это был уже сплошной поток, судорога, разрывающая все на своем пути, отдающаяся в каждом хряще, пронизывающая мозг, доводящая почти до обморока.

Стоя на коленях над унитазом, Волокин чувствовал, как пульсирует обожженная трахея. И уже дрожал от страха перед следующим приступом рвоты...

Далеко, очень далеко слышались шаги.

Сосед по общежитию. Пришел поглазеть, жив он или уже подыхает.

– Ты как?

Он знаком велел ему убираться. Хотел домучиться до конца. В одиночестве. Коснуться самого дна и никогда больше не выныривать.

Сосед уходил, когда новая судорога отбросила его к краю толчка.

Он дрожал, склонившись над унитазом. Изо рта стекала струйка слюны, капая на желчь, уже скопившуюся в сливе. Волокин не шевелился. Малейшее движение или попытка сглотнуть могли разбудить зверя...

И все-таки он не желал сдаваться. Он не станет принимать никаких лекарств. Ни метадона, ни суботекса. Его послали сюда, в общежитие в Уазе, храм безмедикаментозного лечения. Вот он и будет до конца держаться за это решительное «без».

Приступ отступал. Он это чувствовал. Жар отпускал, сменяясь ознобом. Кровь превратилась в стukaющие друг о друга льдинки, ранящие стенки сосудов.

Второй день без наркоты.

Один из самых поганых. Да и третий будет не лучше.

Сказать по правде, их впереди еще немало.

Но нужно держаться. Чтобы доказать самому себе, что ты не болен. Или хотя бы что болезнь излечима. Что можно соскочить. Об этом он знал. Ему говорили. Но его мозг, измученный ломкой, отказывался в это верить. Пустые слухи.

Он выпрямился. Опустился на пол, прислонившись спиной к стене. Левая рука лежала на унитазе, правая отброшена, словно в ожидании жгута. Он перевел на нее взгляд. Будто она и не принадлежала ему. Желто-сине-фиолетовая, худая как плоть. У него вырвался короткий зловещий смешок. Ты не в лучшей форме, Воло... Он медленно помассировал предплечье, ощущая под пальцами жесткую, как кора, кожу, а под ней – мускулы и кости, усохшие, изъеденные.

Два дня без наркоты. Сегодня он пережил классическую «черную дыру». Сперва – затишье перед бурей. Пока чудище не выглянет из колодца, чтобы потребовать свою дозу. И он

дождался, когда гидра поднимет мерзкую голову. Она воспрянула ровно в полночь, и вот уже два часа, как он бьется с ней, будто античный герой.

Он обхватил плечи руками и попытался унять дрожь. Зубы и кости стучали так, что унитаза подрагивал им в такт. Он почувствовал, как желудок снова сжимается, и подумал было, что сейчас все начнется по новой. Но нет. Он срыгнул воздухом, и его отпустило. *Все правильно...* Теперь он сможет поползти до своей комнаты и молиться, чтобы сон накрыл его хотя бы до рассвета. Все-таки днем даже ад выглядит иначе.

Он нащупал спуск. Слил воду.

На четвереньках пополз к выходу. Промокшая от пота рубашка прилипла к спине. От озноба руки дрожали, словно у нарика, коловшегося сотни раз...

Вернуться в комнату.

Забиться в спальный мешок.

Молить о сне.

Когда он очнулся, часы показывали 4:20. Он был в отключке больше двух часов, но так и не выбрался за дверь клозета. Растекся как лужа прямо здесь, на кафельном полу.

Он снова пустился в путь. Со скоростью улитки. Скорчившись, согнувшись пополам в своих жестких от высохшего пота шмотках, добрался до коридора. Закралась смутная надежда: он станет сильнее, когда выберется из этого кошма-

ра. Да. Сильнее и с выжженным в каждом уголке мозга клеем. *Больше никогда.*

Ему удалось встать, опираясь плечом о косяк двери. Держась за стенку, он вышел в коридор, каждый раз приподымая себя на несколько сантиметров, чтобы продвинуться еще чуть-чуть. Штукатурка, фанерная дверь. И снова, и снова. В каждой комнате он ощущал присутствие других мучеников, таких же, как он, нариков, проходивших курс дезинтоксикации...

Одна дверь. Вторая. Третья...

Наконец он схватился за дверную ручку своей конуры и перешагнул через порог. Пространство в пятнадцать квадратных метров освещал утренний свет. До него не доходило, как такое возможно. И словно чтобы довершить его смятение, в соседней деревне зазвонили колокола. Он уставился на часы: семь утра. Выходит, он снова вырубился и даже не заметил, что провел остаток ночи в коридоре.

Планы изменились.

Пытаться заснуть уже нет смысла. Выпить кофе и в путь.

С непривычной четкостью он сфотографировал взглядом каждую деталь в своей комнате. Вытертый, покрытый пятнами ковер. Красноватый линолеум. Спальный мешок. Стол с лампой из «Икеи». Рисунки на обоях. Окно, за которым хмурится день.

Из созерцания его вырвала судорога.

Его знобило. Вот уже два дня, как его бросало то в жар,

то в холод, одежда постоянно была влажной. Даже глазные белки пожелтели, как и вся кожа, вплоть до пальцев на ногах. Моча стала красной. Ни дать ни взять, черная лихорадка. В сущности, ломка и впрямь похожа на тропическую болезнь. Он как свои пять пальцев знал далекий прогнивший край – топкие героиновые земли, – где он и подцепил эту гадость.

Ему был нужен горячий душ, но возвращаться в коридор не хотелось. Он предпочел кофе. Здесь у него есть все, что нужно. Горелка, «Нескафе», вода. Он подошел к раковине, набрал воды в походный котелок, вернулся к горелке. Дрожащей рукой чиркнул спичкой и замер, зачарованный синеватыми отсветами огня. Так он и стоял, пока боль от ожога не привела его в чувство. Снова чиркнул спичкой, потом еще одной.

Только с четвертой попытки ему удалось зажечь конфорку. Обернувшись, он осторожно взял ложку. Погрузил ее в банку с растворимым кофе. Когда в кастрюльке уже закипала вода, он снова замер. Ложка. Порошок. Тут до него дошло, что, выполняя все так тщательно, он словно повторяет тот самый ритуал, который стремился забыть.

Он высыпал кофе в стакан. И снова свалился в обморок перед дрожащей поверхностью воды. Отзвонили колокола. Прошел еще один час. Отныне время расширилось. Превратилось в нечто мягкое, как на полотнах Дали, где стрелки часов изогнуты, словно ленты лакрицы.

Он втянул руку в рукав. Схватился за ручку кастрюльки.

Вылил воду в стакан, который тут же наполнился коричневой жидкостью, прекрасно сочетавшейся с этим унылым часом.

И только тогда он вспомнил о назначенной встрече.

Сегодня ночью перед приступом он получил вызов.

Знак во тьме...

Он с улыбкой подумал о перехваченном для него телексе.

Убийство, церковь, дети: все, что ему нужно.

Сложившуюся ситуацию можно выразить аксиомой.

Это расследование нуждается в нем.

Но главное, он сам нуждается в этом расследовании.

И, как всегда, человек валится в пыль.

Красную пыль африканской земли.

Путаясь в джеллабе, он пытается подняться, но тяжелый походный ботинок бьет его в живот, потом под подбородок. Человек выгибается и падает. Удары ногой. В лицо. В живот. В пах. Кованные подошвы находят скулы, ребра, хрупкие кости под самой кожей. Человек уже не шевелится. Истязатель может рассыпать удары, куда вздумается. Челюсть, зубы, нос, губы, глаза. Кожа лопается, обнажая мускулы, сухожилия, все в кровавой каше, смешанной с землей.

Руки хватают канистру. Вонь дизельного топлива заглушает запах крови. Струя заливает разбитое лицо, шею, волосы. На тело кидают горящую зажигалку. Огонь вспыхивает мгновенно. Фиолетовое пламя, которое тут же становится красным. И вдруг человек выпрямляется: это ящерица. Огромная ящерица, чья острая пасть торчит из-под капюшона, а когтистые лапы – из-под рукавов джеллабы...

Лионель Касдан проснулся с бешено колотящимся сердцем. Он все еще чувствовал запах пылающего полотна, а вместе с ним – кошмарный смрад обугленной плоти и паленых волос. Ему понадобилось несколько минут, чтобы понять: треск пламени – не что иное, как телефонный звонок.

– Алло?

– Это я.

Воркующий голос патологоанатома Рикардо Мендеса:

– Я тебя разбудил?

– Ага. – Он взглянул на часы: четверть девятого. – И правильно сделал.

– По статистике, старики спят на четыре часа дольше, чем мужчины среднего возраста.

– Отвянь.

– Ты не в духе – это тоже типично для стариков. Ладно. Я собираюсь на боковую. Всю ночь возился с твоим чилийцем. Хочешь узнать наше заключение?

Касдан приподнялся на локте. Страх таял в его крови.

– Короче, – продолжал Мендес, – я подтверждаю то, что говорил тебе вчера. Остановка сердца, вызванная резкой болью, причиненной острием, введенным в оба ушных отверстия. Главная новость – это его исходное состояние.

– Что ты называешь исходным состоянием?

– У клиента были проблемы с сердцем. Оно носит характерные следы инфаркта. Сердечная мышца красноватая, испещрена полосками. Детали я опускаю. Мотор у него уже останавливался. Несколько раз.

– И о чем это говорит?

– Обычно подобное состояние сердца свидетельствует об излишествах: курево, выпивка, жратва... Но артерии у твоего Гетца – как у юнца. Ни малейших следов злоупотреблений.

– Следовательно?

– Я склоняюсь к предположению, что речь идет о коротких остановках сердца, о спазмах коронарных сосудов, вызванных сильным стрессом. Невыносимым страхом. Мучительной болью.

Касдан потер лицо. Он снова способен мыслить трезво. Кошмар с запахом паленой свинины рассеялся.

– Гетц побывал в лапах чилийской хунты. Его пытали.

– Это могло бы объяснить рубцы на сердце. И кое-что еще.

– Что?

– Шрамы. На члене, туловище, руках и ногах. Но особенно на члене. Над ним мне еще придется потрудиться. Рассмотреть шрамы под микроскопом, чтобы точно определить их возраст. И подумать, чем их нанесли.

Касдан молчал. Он вспомнил о причине смерти Гетца: боли. Между мученическим прошлым и обстоятельствами его гибели существовала связь. Чилийские палачи вернулись, чтобы казнить его?

– И последнее, – продолжал Мендес. – Твой подопечный перенес операцию по поводу спинномозговой грыжи. Был установлен протез французского производства. По марке и серийному номеру я могу выяснить, где сделана операция.

– Зачем?

– Чтобы убедиться, что клиент приехал во Францию под тем же именем. – Мендес раскатисто засмеялся. – С этими иммигрантами надо держать ухо востро!

– Ты что-то говорил об исследовании слухового органа в больнице Мондора.

– Ответ пока не получен.

– А твой эксперт из больницы Труссо?

– Ей я еще не дозвонился. Надеюсь, тебе не взбредет в голову завалиться туда, с твоей-то зверской рожей? Это ведь детская больница, там полно глухих детишек, им и Рождество не в радость.

Касдан повесил трубку и потянулся в постели. Ему вспоминались фрагменты сна. Он читал книги о мире сновидений, в том числе Фрейда. Имел общее представление о механизмах сна. Сгущение. Замещение. Символизация. За этими бессвязными сценами всегда кроется сексуальное желание. Что же прячется за зверской расправой, которая снится ему уже не первый десяток лет? Армянин потряс головой. В его-то возрасте! Кого он пытается обмануть, принимая кошмарное воспоминание за обычный страшный сон. Он поплелся в ванную. Вот уже три года, как он жил в бывших служебных комнатухах под самой крышей дома на углу улицы Сент-Амбруаз и бульвара Вольтера. Первую комнату он купил здесь в 1997-м, для сына. Позже, в 2000-х годах, ему предложили еще три, соседние. Он приобрел и их, отремонтировал и привел в порядок, надеясь сдать внаем и получить прибавку к пенсии.

Но судьба распорядилась иначе. Умерла жена, Нарине. Сын уехал. И в квартире на площади Балар, где прошли по-

следние двадцать лет жизни, он остался один. Тогда он предпочел перевернуть страницу и перебраться в эти смежные комнатухи, еще пахнувшие свежей краской. Что еще нужно одинокому человеку, если, конечно, он не против постоянно ходить через комнаты. И еще скошенные потолки. Стоило Касдану пересечь некую боковую линию, как ему приходилось склонять голову. Половину времени он проводил в согбенном положении, что, по его мнению, прекрасно передавало унижительность жизни на пенсии.

Стоя под душем, он размышлял о расследовании. Обычно по утрам он держался раз и навсегда заведенного распорядка. Подъем. Поездка в Венсенский лес. Бег трусцой. Зарядка. Возвращение домой. Завтрак. До одиннадцати – просмотр газет. Потом, до двенадцати, бумаги, Интернет, почта. Обед. Во второй половине дня он занимался «делами» всевозможных армянских ассоциаций, которые сам на себя и взвалил. И которые никому не были нужны. Даже ему самому. Наконец, в четыре часа он, с «Парископом» в кармане, брел в Латинский квартал в поисках доброго старого фильма. Ему случалось добираться до самой Синематеки, крупнейшего в мире киноархива, который зачем-то перевели на окраину, в Берси.

Выйдя из ванной, он посмотрелся в зеркало. Шапка коротких седоватых волос только подчеркивала резкие черты, никак не желавшие расплываться. Глубокие морщины, словно прорисованные ножом. Огромный носище, настоя-

щая скала, от которой вниз спускаются горькие складки. И посреди этого сурового пейзажа – единственное исключение, серые глаза, похожие на озерца. Оазисы его пустыни Тенере.

Он вернулся в спальню. Оделся. Зашел на кухню и принял утренний коктейль. Капсулу депакота-500 и таблетку семплекса-10. За сорок лет лечения ему никогда по-настоящему не хотелось узнать, как действуют лекарства, которые он поглощает. Но одно он понял: депакот – нормотимик, регулятор настроения. Семплекс – антидепрессант нового поколения. Вместе они таинственным образом позволяли ему держаться на плаву.

В свои шестьдесят три года Касдан наслаждался относительным покоем. В области психиатрии он испытал все. Депрессии. Галлюцинации. Бредовые состояния. И чем только не лечился. Превратился в ходячий медицинский справочник Видаль. Тералит и анафранил в семидесятые годы. Депамир и прозак в восьмидесятые. Не считая нейролептиков, которые он глотал горстями во время обострений циклотимии. Тех периодов, которые еще называют острым психозом. В течение десятилетий препараты совершенствовались, их действие становилось более точным. Без побочных эффектов. И это вовсе не было роскошью.

Он приготовил себе кофе. По старинке. Смолот зерна. Сварил в капельной кофеварке с фильтром. От капсульных машин он отказался после того, как в выдержанном в теп-

лых тонах бутике улыбающиеся продавщицы предложили ему получить членскую карту, заполнив анкету с вопросами о его интимных пристрастиях. Тогда он ответил, что хочет просто пить хороший кофе, а не вступать в секту. Он на дух не переносил общество потребления, помешавшееся на рекламных акциях и бонусных картах. Общество шкурное, мелочное и трусливое, в котором вершиной риска считается смотреть, как твой лучший друг закуривает сигарету, а величайшим счастьем – делать рождественские покупки, расплачиваясь одними подарочными купонами. Он улыбнулся. Сказать по правде, он уже мало что переносил. Мендес верно подметил: быть не в духе – «типично для стариков».

С чашкой кофе Касдан уселся за письменный стол и развернул документ, которым хотел заняться в первую очередь. Расписание, составленное Гетцем для своего дружка. Надев очки, он прочитал список. Органист работал как проклятый. Кроме армянского собора он сотрудничал с еще тремя парижскими храмами: с Нотр-Дам-дю-Розер на улице Реймон-Лоссеран в Четырнадцатом округе, Нотр-Дам-де-Лоретт на улице Флешье в Девятом округе, церковь Святого Фомы Аквинского на одноименной площади в Седьмом округе. Касдан выделил маркером их координаты. Чтобы успокоить своего любовника, Гетц заботливо пометил имена всех ризничих и капелланов, к которым следовало обращаться в экстренных случаях. Касдану оставалось только за-сесть за телефон, а потом обойти церкви.

Кроме того, музыкант давал частные уроки фортепиано по всему Парижу. Касдан поморщился. Придется наведаться в каждую семью. Нет, хватит и простого звонка. Но нельзя исключать ни одной возможности. Даже интимной связи с учеником, убийства из ревности или мести разгневанных родителей.

Он снова сложил список. Сунул его в карман джинсов. Прежде чем начать обход, ему предстояло обзвонить много народу. Начал он с Пюиферра из службы криминалистического учета.

– Ничего новенького насчет нашего органиста?

– Нет. Все «пальчики» на галерее принадлежат жертве. Ничего другого не нашли. А единственная сенсация тебе уже известна: отпечаток «конверса». – Он замолчал, листая свой рапорт. – Ах да... вот еще кое-что. На галерее обнаружены фрагменты дерева. Мелкие осколки, щепки.

– Порода дерева?

– Пока не могу сказать. Я отправил их в Лион, в лабораторию. По-моему, это частицы органа. Должно быть, Гетц цеплялся за него во время драки.

Касдан представил себе место преступления. Корпус с трубами. Клавиатуру. Пюиферра ошибается. Поверхности нетронуты. Ни царапины. Дерево не оттуда.

– Ты отправил рапорт?

– Сейчас отправляю.

– По электронке?

– Мейлом и почтой.

Выходит, от его форы ничего не осталось. Теперь Верну вызовет в комиссариат всех мальчишек в кроссовках. Добьется ли он большего, чем Касдан? Нет. Зато поймет, что тот уже попытал счастья, и наорет на него по телефону.

– Ты мне позвонишь, когда получишь результаты?

– А то. Мне сегодня ночью такой анекдот рассказали. В общем, Супермен встречается на крыше небоскреба Чудо-женщину, и...

– Я уже слышал. Перезвони мне.

Касдан набрал номер ЦОСТП – Центральной операционной службы технической поддержки. Там работает с десятков парней, которые ставят на прослушку квартиры подозреваемых. У них больше общего с бригадой, устанавливающей кабельную связь, чем с отделом высоких технологий. Расположена ЦОСТП в городишке Шене семьдесят восьмого департамента.

Касдану ответил один из старых знакомых, Николя Лонго:

– Чего тебе, старичок?

– Узнать насчет прослушки. Вильгельм Гетц. Пятнадцать-семнадцать по улице Газан, Четырнадцатый округ.

– А в чем дело?

– Мужика пришили. Я нашел в квартире вашу игрушку, установленную над занавесками.

– Первый раз слышу.

– Похоже на вашу контору. Звукосниматель прямо над

карнизом.

– Зачем ты суешься в эти дела?

– Его нашли мертвым в моем приходе, в армянском храме.

– Он армянин?

– Нет, чилиец. Наличие жучка доказывает, что он был объектом наблюдения. Я хочу знать, в связи с чем. И какой судья дал санкцию на прослушку.

– А ты сам на кого работаешь?

– Я уже пять лет на пенсии.

– Так я и думал.

– Ты сможешь проверить?

– Поговорю с ребятами. Но если речь идет о чилийце, я бы на твоём месте скорее обратился в контрразведку. Или в Главную военную разведку.

Лонго прав. Вполне вероятно, что это дело рук МИДа. Хуже не придумаешь: служа в полиции, Касдан не раз пересекался с ними, и всегда в атмосфере соперничества, если не враждебности. От них он никакой информации не получит.

Он набрал еще один номер. Старинного приятеля, который перешел в отдел розыска беглых подозреваемых. Прежде Ложье-Рюстен работал в наркоотделе. Все звали его Рюстином.

Касдан дозвонился ему на мобильный. Узнав его голос, полицейский расхохотался:

– Как ловится рыбка, пенсионер?

– Я как раз насчет нее и звоню. Крупной рыбы.

– Только не говори, что еще не наигрался в сыщика.

– Один вопрос. Ваш отдел работает в обоих направлениях?

– Ты о чем?

– Вы разыскиваете и французов, сбежавших за границу, и иностранцев, скрывающихся во Франции?

– Ну, у нас есть договоренности с другими европейскими полициями.

– У тебя есть сведения о военных преступниках?

– Скорее наш конек – бандиты, серийные убийцы, педофилы.

– Ты не мог бы взглянуть?

– А кто тебе, собственно, нужен?

– Чилийцы. Пособники режима Пиночета. Парни, на чей арест выписана санкция, а они окопались во Франции.

– Чили малость далековато от Шенгенской зоны. Даже не знаю, существует ли у нас с ними договоренность о юридической взаимопомощи.

– Их, вероятно, разыскивает не чилийское правосудие. Ордер может исходить из другой страны. Из Испании, Великобритании, Франции. Жалобы поступают из стран, чьи граждане пропали в Чили. Многие из жертв были выходцами из Европы. Потому-то Пиночета и прихватили в Лондоне. Ордер о задержании подписали в Мадриде.

– Спасибо за лекцию, старик, но, по правде говоря, все куда сложнее. Потому что твои парни остаются чилийцами.

И чтобы их преследовать, нам нужен договор с Чили, а не со страной, подающей жалобу. Дошло?

– Но проверить-то ты можешь!

– Имена у тебя есть?

– Нет.

– Описания?

– Какое там.

– Думаешь, мне больше заняться нечем, как только за призраками гоняться?

– Вчера был убит чилиец. Политический беженец. Он якобы собирался выступить свидетелем против своих палачей. Все, о чем я тебя прошу, – взглянуть, есть ли в списках хоть кто-нибудь из этих мерзавцев.

– Забавно, что ты спрашиваешь меня о Чили.

– Почему?

– Меньше часа назад один из наших сотрудников получил запрос, касающийся как раз этой страны. Одну минуту.

Касдан терпеливо ждал. Рюстин заговорил снова:

– Запрос поступил от Эрика Верну, первое подразделение судебной полиции. Знаешь такого?

– Он дышит мне в затылок. Полицейский, которому официально поручено это дело. Перезвони мне как можно скорее.

– Я потолкую с коллегой. Вместе мы добудем информацию сегодня же.

– Можно мне получить ее раньше Верну?

– Не зарывайся, Касдан.

Он отключился. Имя легавого из судебной полиции указывало на два факта. Во-первых, дело осталось у капитана. Во-вторых, легавый в бомбере не отказался от версии о политическом следе.

Армянин встал и натянул куртку. Прежде чем обходить церкви, надо пополнить знания.

«Личное дело Пиночета».

«Золото диктатур».

«Недостижимая авторитарная демократия».

«Пиночет против испанского правосудия».

«Двадцать лет безнаказанности».

«Кондор»: теневой заговор»...

В книжном Чили со своими политическими потрясениями занимал целых три полки. Две из них были отведены Пиночету и его диктатуре. Касдан выбрал самые интересные книги, спрыгнул с приставной лесенки и направился к лестнице, ведущей на первый этаж.

Он находился в подвале своего любимого книжного магазина «Арматтан» на улице Эколь, 16. Магазин специализировался на африканской тематике и казался выстроенным из книг, ровным слоем покрывавших его стены. Книжные перегородки были так высоки, что каждому покупателю предоставлялась приставная лестница, чтобы добраться до нужных полок.

Касдан заплатил в кассе кругленькую сумму и с грустью вспомнил счастливые времена, когда служебные расходы ему возмещала полиция. Выйдя на улицу, он жадно втянул воздух. Книжный располагался в самом конце улицы Эколь. Здешние здания словно замыкали Латинский квартал, от-

крывая другие районы: улицу Монж, ведущую куда-то вверх, магазин фортепиано «Амм», выступающий вперед, как форштевень пакетбота, последние артхаусные кинозалы...

Армянин проверил мобильный. Пришло сообщение от отца Саркиса. Он тут же перезвонил.

– Что-то случилось?

– Ко мне приходил другой полицейский.

– Из уголовки?

– Нет. Что-то на «з». И там было слово «несовершеннолетние».

– ОЗПН. Отдел по защите прав несовершеннолетних.

– Вот-вот.

Касдан вздрогнул. Верну получил рапорт Пюиферра, в котором упоминался отпечаток кроссовки, около девяти утра. Сейчас одиннадцать. Неужели капитан тут же связался с ОЗПН, чтобы они присутствовали при допросе малолетних хористов? Странно. Не в интересах Верну обращаться в другой отдел.

– А как выглядел легавый?

– Довольно необычно.

– В смысле?

– Молодой. Грязный. Небритый. Смазливый. Больше похож на рок-музыканта. Он даже поиграл на органе.

– Что-что?

– Клянусь. Пока ждал меня, поднялся на галерею. Желтые ленты так и не сняли. Он подлез под них и сел за клавиатуру.

Включил ее и заиграл хит семидесятых...

Саркис напел своим хриплым голосом несколько нот. Касдан узнал песню:

– «Light my fire»⁴, группа «Дорс».

– Похоже на то.

Касдан попытался представить себе легавого, который за-
таптыкает место преступления и играет музыку «Дорс» в
«его» церкви. Чудеса, да и только.

– Он представился?

– Да. Я записал... Седрик Волокин.

– Не знаю такого. А удостоверение показал?

– Да, сразу.

– О чем конкретно он тебя спрашивал?

– Когда именно обнаружили тело, как оно лежало, о сле-
дах крови... Но главное, он хотел допросить мальчиков. Как
и ты. Всех, на ком были кроссовки «конверс».

Ясное дело. Верну кому-то слил информацию. Но зачем?
Чувствовал, что сам не справится с допросом?

– Постараюсь разузнать, – подвел итог Касдан. – Больше
ничего нового?

– Еще звонил Верну, вчерашний полицейский. Тоже хочет
допросить мальчишек. Вы же не собираетесь все...

Что-то тут не сходится. Раз Верну намерен сам допросить
детей, значит, рок-легавый появился не с его подачи. Но как
он пронюхал об этом деле?

---

⁴ «Зажги мой огонь» (англ.).

- Ты сказал Верну, что я их уже допрашивал?
- Мне пришлось, Лионель.
- И как он это воспринял?
- Обругал тебя старым придурком.
- Я тебе перезвоню. Не бери в голову.

Касдан вернулся к своей машине. Сев за руль, набрал номер капитана первого подразделения судебной полиции. Тот даже не дал ему поздороваться:

- Проклятье! Что за игры, черт побери!
- Я продвигаюсь. Только и всего.
- Кто вам позволил? На кого вы работаете?
- Это моя церковь.
- Послушайте. Если вы хоть раз встанете у меня на пути, я вас арестую. Это остудит ваш пыл.

– Понимаю.

– Ни черта вы не понимаете, но клянусь, я так и сделаю!

Помолчав, Верну сбавил тон:

– Дети вам что-нибудь сказали?

– Нет.

– Вот черт. Ну вы мне и подгадили. Завалили расследование!

– Успокойся. Тут что-то нечисто. Я не великий психолог и не рассчитывал, что кто-то из них раскроет мне душу. Но непременно заметил бы признаки смятения у мальчика, ставшего свидетелем убийства.

– Никто из них не выглядел потрясенным?

– Нет. И этому должно быть какое-то объяснение. А сам ты до чего докопался?

– Хотите рапорт с подписью? Мне вам нечего сказать! И держитесь подальше от моего расследования! – Он снова взорвался: – Какое право вы имели допрашивать ребят без всякого разрешения? Без малейших предосторожностей?

Касдан не ответил. Он просто дожидался, пока голос в трубке поутихнет. А вместе с ним и гнев Верну. Наконец он произнес:

– Последняя деталь: ты связывался с отделом по защите прав несовершеннолетних?

– С ОЗПН? Зачем мне это?

Не ответив на вопрос, Касдан заговорил другим тоном:

– Слушай сюда. Я понимаю, почему ты дерешь глотку. Ты, верно, думаешь, что тебе ни к чему такая старая рухлядь, как я. Но не забывай: у тебя только неделя, чтобы распутать дело.

– Неделя?

– Да. Срок раскрытия «по горячим следам». Потом назначат следственного судью и обнулят счетчик. Тебе придется просить разрешение на каждый обыск. А пока ты сам себе хозяин.

Верну замолчал. Он знал закон. В течение восьми дней после обнаружения трупа служба, которой прокурор поручил расследование, располагает всеми полномочиями. Полицейские, ведущие следствие, в это время не нуждаются в орде-

рах и разрешениях. Обыски, допросы свидетелей, задержания – все в их руках.

– Но тебе нужна помощь, – продолжал Касдан. – Убийство совершено на армянской территории. И оно затрагивает другую общину – чилийскую. Такой старый иммигрант, как я, может тебе пригодиться. А все лавры достанутся тебе.

– Я тут о вас порасспрашивал, – признался Верну. – Вы были отличным полицейским.

– Вот именно что был. Вы закончили опрос соседей?

– Да, по всему кварталу. Никто ничего не видел. Улица Гужона – просто пустыня какая-то.

– А вскрытие?

Верну пересказал ему то, что он уже и так знал. Зато он мог убедиться в его откровенности. Легавый с ним не хитрил. Просто молод и честолюбив.

– Твоя версия? – спросил он.

– Я склоняюсь к политическому следу. Стараюсь разузнать, кем был Гетц в Чили.

– В посольство звонил?

– А то. Но единственный атташе, который мог мне помочь, парень по имени Веласко, куда-то свалил на два дня. А чилийского офицера связи в Париже нет. На всякий случай попробую обратиться к аргентинскому. Еще я позвонил в подразделение международных связей и в Интерпол. Хочу быть уверен, что не было выдано международных постановлений об аресте.

– Гетц а?

– Почему Гетца? Нет. Я имею в виду палачей, прихвостней Пиночета, которые имели на него зуб. Я также связался с отделом розыска беглых подозреваемых. Они мне уже перезвонили. У них на крючке ни одного чилийца. Кроме того, я передал отпечатки Гетца для проверки по международным базам данных. Результаты будут завтра.

– Отличная работа. А что еще?

– Начал поиски в «Салваке», чтобы проверить, не было ли во Франции или Европе других убийств, совершенных таким же способом. То есть через барабанные перепонки.

«Салвак», аналитическая система поиска связей между насильственными преступлениями, хранила в своей компьютерной памяти сведения обо всех убийствах, совершенных на французской земле. Новинка наподобие американских аналогов, о которой Касдан имел лишь смутное представление. Ничего не скажешь, Верну даром времени не теряет.

– А вы?

Касдан повернул ключ зажигания и тронулся с места.

– Я только проснулся, – солгал он.

– Что собираетесь делать?

– Сначала пробежка. Потом пороюсь в архивах наших прихожан. Как знать, может, среди армян есть рецидивисты...

– Только без глупостей, Касдан. Если снова перебежите

мне дорогу, я...

– Я понял. Но будь так добр: держи меня в курсе.

Он отключился. Разговор окончился ничем. Доверия не возникло, и трудно было решить, кто кого перехитрил в этой игре. Все же Касдану казалось, что начало сотрудничеству положено.

Спускаясь вниз по улице Фоссе-Сен-Бернар, мимо здания Института математики Жюсье, Касдан вспомнил о неряшливом полицейском, который явился в церковь Иоанна Крестителя поиграть на органе. Он находил этому визиту только одно объяснение: утечка в Генеральном штабе. Отчет о каждом важном расследовании отправляют телексом на площадь Бово, в МВД. Вероятно, Верну вчера вечером послал туда рапорт. Каким-то образом Волокин оказался в курсе его содержания. От кого он получал сведения? Отдел работал круглосуточно и состоял из двух-трех женщин, дежуривших посменно.

Касдан предположил, что одна из девиц равнодушна к этому парню. Даже Саркис заметил, что он красив. Но откуда Волокин узнал про отпечаток?

Касдан позвонил Пюиферра. Криминалист возмутился:

– Черт подери, Касдан, ты меня достал, я...

– Тебе утром звонили из ОЗПН, насчет Гетца?

– Сразу после твоего звонка. Еще и девяти не было.

По предплечьям Касдана пробежала дрожь. Он словно ощутил быстроту и энергию молодого полицейского.

– Ты сказал ему про отпечаток?

– Уже и не помню. Кажется, да. Да он ведь и так знал? Сам заговорил со мной о ребятишках...

Произошло недоразумение. Волокин позвонил в службу судебной идентификации наудачу, чтобы хоть что-нибудь разнюхать. Он упомянул мальчиков из хора. Вот Пюиферра и решил, что ему уже известно о «конверсах». И выдал все подробности.

– А ты не подумал, откуда ему знать? – буркнул Касдан. – Ты тогда еще не отослал Верну свой рапорт.

– Черт, ты прав, не сообразил. Это важно?

– Проехали. Перезвони мне, когда получишь результаты анализа.

Касдан посмотрел на часы: одиннадцать. Он доехал до конца Аустерлицкой набережной, перекрытой надземным метро. Слева, на другом берегу Сены, возвышалась огромная пирамида с плоской крышей – Дворец спорта «Берси».

Армянин повернул руль. Пора было поговорить с экспертом-отоларингологом в больнице Труссо. Вероятно, она уже получила результаты исследования органа слуха Вильгельма Гетца.

Больница Армана Труссо походила на шахтерский поселок, в котором кирпичные домики переставили так, чтобы образовались квадратные внутренние дворики. Каждый следующий дворик был теснее предыдущего, серые, розовые, кремовые фасады так и норовили раздавить вас, и машина крутилась в этом лабиринте, как крыса в клетке.

Касдан не выносил больниц. Всю жизнь ему регулярно приходилось отбывать срок в одном из этих унылых заведений. Святая Анна и Мэзон-Бланш в Париже. А еще Вилль-Эврар в Нейи-сюр-Марн, Поль-Гиро в Вилльжюиф... В таких вот лагерях проходила его жизнь солдата мирного времени. Точнее, война-то шла, но это была его личная война, в которой полем битвы служил его собственный мозг. Бред и реальность то и дело сходились врукопашную, пока не наступало перемирие. Зыбкое перемирие. И тогда Касдан выписывался из больницы, уязвимый, напуганный, уверенный лишь в одном: рано или поздно очередное обострение вынудит его вернуться.

А все же худшее из больничных воспоминаний связано не с его безумием, а с женой, Нарине. Касдан познакомился с ней в тридцать два года, на армянской свадьбе. В ту пору он слыл героем антитеррористического подразделения. Сначала он страстно ее любил, потом просто уважал, а после воз-

ненавидел, пока она не стала для него привычкой, такой же неотъемлемой частью существования, как тень или табельное оружие. Он не сумел бы подвести итог их двадцатипятилетнего супружества. Ни даже просто его описать. В одном он был уверен: за всю жизнь он никого не узнал лучше Нарине. И наоборот. Вместе они прошли через все возраста, все чувства, все испытания. Но теперь, когда он вспоминал о ней, перед глазами стояла единственная сцена, всегда одна и та же. Последний раз, когда он навестил ее в палате больницы Неккера, за несколько часов до кончины.

В той женщине уже ничего не осталось от его жены, делившей с ним горе и радость. Без косметики и парика, в хлопчатобумажном зеленом халате она походила на изнуренного буддийского монаха. Речь ее от морфина стала странной, замедленной, и каждое слово, лишённое всякого смысла, падало в мозг Касдана, как маленькая смерть.

Однако он улыбался, сидя у изголовья супруги, и отводил взгляд, рассматривая окружавшие ее приборы. Светящиеся зеленоватые линии на мониторе. Блестящий прозрачный пакет на капельнице, от которого отражался белый свет неоновых ламп. Все эти инструменты для него ассоциировались с ритуалом наркомана – шприцем с героином или трубкой с опиумом. В этих приспособлениях, как и в связанных с ними привычных движениях, было что-то педантичное и убийственное. Значит, все кончается так же, как когда-то начиналось. Под знаком наркотика. Касдан помнил, как, узнав имя

своей будущей жены, Нарине, он сразу же связал его со словом «наргиле» – длинная курительная трубка...

Нарине не умолкала. И ее нелепые слова удерживали его на расстоянии. Вещал призрак, уже пропитанный смертью, словно настоящий на ней. Вдруг вспыхнуло далекое воспоминание. Камерун, 1962 год. Как-то ночью жители деревни устроили праздник. Тамтамы, пальмовое вино, голые ступни, обмазанные красной глиной. Одна танцовщица особенно запомнилась ему. Она вздымала лицо к звездному небу, томяно раскрывая объятия, кружилась с застывшей, отсутствующей улыбкой на губах. Напряженный взгляд был устремлен в такую даль, что казался надменным, неуловимым. Касдан не сразу сообразил, в чем тут дело. Танцовщица была слепа. И вглядывалась она в глухое сердце ритма. Изнанку ночи.

Нарине напомнила ему ту танцовщицу. Слова ее плавали в сумраке, глаза были прикованы к другому берегу. К невыразимому потустороннему миру. В тот вечер Касдану не хотелось садиться в машину. Он бродил по кварталу Дюрока. И встречал других слепых – Институт незрячих был всего в нескольких шагах от больницы Неккера. Он словно оказался в мире зомби, где один он пока был жив.

Когда наконец он вернулся домой, его ждало сообщение: Нарине угасла во время его блужданий. И тогда он понял, что навсегда запомнит странное создание, с которым только что расстался. Призраку суждено было вытеснить все прочие ее образы.

Касдан остановил машину посреди больничного городка. Зажмурился. Сжал виски ладонями, пытаясь загнать воспоминания внутрь, и глубоко вдохнул. Когда он открыл глаза, он снова был в настоящем. Больница Труссо. Эксперт-отоларинголог. Расследование.

В глубине одного из дворов он отыскал корпус имени Андре Лемари, знаменитого детского отоларинголога. Здание из светлого кирпича с застывшими потеками более темного цвета. На двери под номером шесть перечислены врачебные специальности, представленные в этом блоке, среди них и ЛОР-отделение.

Начиная с холла, здесь постарались создать атмосферу веселья. На стенах – фигурки носорогов, львов и жирафов. Квадратом расставлены лесные хижины и разноцветные скамейки. Повсюду разбросаны игрушки. Касдану вспомнились слова Мендеса: «Это ведь детская больница, там полно глухих детишек, им и Рождество не в радость». С потолка свисали пестрые шары и гирлянды. В углу мигали огоньки рождественской елки, хотя уже горели лампы дневного света.

Посреди комнаты медсестры в зеленых колпачках с бубенцами устанавливали игрушечный театр из дерева и картона.

Он шагнул к ним, сразу почувствовав здешнее тепло и запах лекарств. Ему все больше делалось не по себе. Сам не зная почему, он ощущал связь между трупом Гетца и этой вымученной обстановкой праздника, устроенного для детей,

отрезанных от мира.

– Я ищу доктора Франс Одюссон.

Красный занавес миниатюрного театра раздвинулся. Показалась широкоплечая женщина:

– Это я. В чем дело?

Лет пятидесяти, полная, крупная. Волосы с проседью разделены прямым пробором на два полукружия. Франс Одюссон напоминала старую рекламу детского питания «Мами Нова». Поднявшись, она отошла в сторону. Как и все остальные, она была в костюме веселого домового: широкая ядовито-зеленая фуфайка с бретельками, черные башмаки с крупными пряжками в виде бабочек. Колпачок с бубенцами.

Касдан извлек полицейское удостоверение, которое сохранил с помощью простой уловки. Как все легавые, неохотно уходящие в отставку, за полгода до пенсии он заявил о его утере. Получил новый документ, который вернул перед уходом. А старую карточку трепетно берег, будто драгоценную реликвию.

– Я из следственной группы, которая занимается убийством Вильгельма Гетца, – сказал он.

Звякнув бубенчиками, Франс Одюссон сняла колпак.

– Утром я получила результаты из лаборатории Мондора. Идемте.

Касдан пошел за ней следом под любопытными взглядами медсестер-домовых. Они уже миновали несколько лесных хижин, когда бывший легавый догадался, что это не де-

корации, а настоящие кабинеты. ЛОР-эксперт отперла предпоследнюю дверь, украшенную профилем северного оленя.

– Мы готовим рождественское представление, – пояснила она. – Для детей.

Внутри было не повернуться. Справа стоял письменный стол, к нему жалось кресло, сбоку еще один стул, и все завалено папками. К стенам приколоты схемы срезов барабанных перепонок, томограммы. Со своими ста десятью килограммами Касдан боялся шелохнуться.

– Садитесь, – предложила Одюссон, снимая стопку папок с кресла.

Касдан осторожно сел, а она тем временем сбросила костюм домового. Под ним ее пышное тело обтягивал тонкий черный свитер и черные джинсы. У нее была тяжелая грудь, и белый лифчик проглядывал между черными петлями, обрисовывая снежные холмики. Касдан почувствовал теплую волну внизу живота. Ощущение было приятным.

– Тут есть одна загвоздка. – Она взяла в руки прислоненный к стене конверт и, присев, открыла его. – Лаборатория ничего не нашла.

– Вы хотите сказать, никаких частиц?

– Вообще ничего. Специалисты из Мондора исследовали внутренность пирамиды височной кости под электронным микроскопом. Они провели химические тесты. Ни следа осколка, ни металлических опилок, ничего.

– И что это значит?

– Видимо, игла была из такого прочного сплава, что от нее при столкновении с костью не отделились микрочастицы. А это действительно очень странно. Ведь игла прошла через ушные косточки и достигла улитки. Так что она терлась о кость. Однако орудие убийства не оставило никаких следов.

– Как, по-вашему, выглядела эта игла?

– Очень длинная. Она пронзила орган слуха, как мощная звуковая волна. Кончик разрушил реснитчатые клетки улитки, в которой находится кортиева орган. Сейчас я вам покажу снимки, сделанные под электронным микроскопом.

Она разложила на столе черно-белые фотографии. Нечто похожее на подводные равнины со спутанными водорослями. Снимки казались порождением кошмарного сна. Это была микрожизнь, сумрачная, пугающая. К тому же скопление ресничек чем-то напоминало волнение на море.

– Внешние реснитчатые клетки, – продолжала женщина, – воспринимают и усиливают звуковые вибрации. Как вы сами видите, реснички разрушены орудием преступления. Если бы жертва выжила, она бы до конца дней осталась глухой.

Касдан поднял глаза. Его взгляд снова упал на ее груди. Но теперь это зрелище на него никак не действовало.

– Доктор Мендес упоминал вязальную спицу. А как по-вашему?

– Наверняка нет. Острые иглы гораздо тоньше.

Встав из-за стола, она указала на прикрепленную к стене схему: нечто вроде разноцветной улитки. Она наставила ука-

зательный палец на узкий проход.

– На этой схеме вы видите ушные косточки, образующие очень тесный коридор. Игла проникла в этот промежуток. Из чего следует, что у нее был очень тонкий кончик. Думаю, что у острия имелась ручка и все вместе сделано из очень прочного сплава.

Франс Одюссон снова села. У Касдана вдруг возникла дикая мысль.

– А острие могло быть ледяным? Замороженная вода не оставила бы никаких следов...

– Нет. Такая тонкая ледяная игла сломалась бы о кость. Я говорю об оружии толщиной в несколько микронов. Сделанном из... неизвестного сплава. Что-то из области фантастики.

Она улыбнулась, осознав смысл своих слов.

– Извините меня, наверное, я смотрю слишком много телесериалов. На самом деле я просто хотела сказать, что в этом вся загадка. В орудии преступления.

Касдан снова взглянул на снимки. Эти угольно-черные равнины – словно окаменевшие, материализовавшиеся страдания убитого. Интуиция подсказывала ему, что между причиной смерти, болью и мотивом преступления, который, возможно, имелся у чилийских истязателей, есть связь.

– Мне удалось очень быстро оказаться на месте преступления, – объяснил он. – Крик жертвы все еще звучал в органных трубах. Очевидно, Вильгельм Гетц издал страшный

воплъ. Рикардо Мендес полагает, что он умер от боли. Как по-вашему, такое возможно?

– Вполне. Мы здесь провели немало исследований болевого порога барабанной перепонки. Это очень чувствительная область. Мы постоянно лечим баротравмы, полученные при резких перепадах давления во время глубоководных погружений или авиаперелетов. Пострадавшие утверждают, что боль была чрезвычайно острой. В данном случае острие проникло очень глубоко. Боль вызвала сильнейший шок на уровне всего организма и привела к остановке сердца.

Армянин осторожно встал, стараясь ничего не уронить, и уверенно произнес:

– Спасибо, доктор. Можно мне забрать снимки и заключение?

Отоларинголог замерла. В ее глазах мелькнуло недоверие.

– Я бы предпочла следовать обычной процедуре. Я отправляю все в Институт судебной медицины, а вы получите копию у себя в конторе.

– Ну конечно, – уступил Касдан. – Я всего лишь хотел миновать один этап. Но благодаря вам я и так выиграл много времени.

Франс Одюссон взяла визитку и записала свой телефон.

– Номер моего мобильного. Это все, что я могу вам предложить.

Касдан поднял колпак и потряс им, чтобы зазвенели бубенцы:

– Спасибо. И счастливого Рождества!

После больницы Труссо Касдан объехал все три прихода, где Гетц служил органистом и регентом. В Четырнадцатом округе, в Нотр-Дам-дю-Розер, он не застал никого, с кем стоило переговорить. Капеллан болел, а священника не оказалось на месте. В Нотр-Дам-де-Лоретт на улице Флешье отец Мишель набросал ему стандартный портрет Гетца. Сдержанный, смирный, уравновешенный. Касдан съездил и в церковь Святого Фомы Аквинского рядом с бульваром Сен-Жермен, но снова впустую. Весь причт отправился в двухдневную поездку.

В 15.30 Касдан вернулся домой. Зашел на кухню и сделал себе сэндвич. Хлеб для тостов. Ветчина. Гауда. Корнишоны. Запивая еду остывшим кофе, он думал, что ему совсем не хочется обзванивать семьи, в которых Гетц давал уроки музыки. И погрузиться в новейшую историю Чили он тоже не жаждал. Зато странный молодой полицейский задел его за живое. Ему не терпелось оценить конкурента.

Быстро проглотив сэндвич, он подлил себе кофе и устроился за письменным столом. Позвонил Жан-Луи Греши, с которым вместе работал в уголовке. Позднее тот возглавил отдел по защите прав несовершеннолетних.

– Как жизнь? – обрадовался комиссар. – Все еще крошишь чужие зубы?

– Скорее свои. О хлебный мякиш.

– Каким недобрым ветром тебя принесло?

– Тебе знаком Седрик Волокин?

– Один из лучших моих кадров. А зачем тебе?

– Похоже, этот парень расследует убийство в моем приходе. В армянском соборе.

– Быть того не может. Он отстранен. На неопределенный срок.

– В честь чего?

Помолчав, Греши продолжал, понизив голос:

– У Володиной проблема.

– Какая?

– Наркотики. Он на игле. Его застукали в клозете с одной героинницей. Непорядок. Пришлось отправить его на лечение.

– Его уволили?

– Нет. Я замял это дело. С возрастом становлюсь сентиментальным.

– А где он лечится?

– В Уазе. Центр «Юность и надежда». Но все называют его «Cold Turkey».

– Почему?

– По-английски это значит «соскочить». Отказ от наркотиков всухую, без медикаментов и химических веществ. Вроде как они врачуют словом. И спортом. Хиппи-переростки. Последыши антипсихиатрии.

Касдан попробовал выражение «Cold Turkey» на вкус. Ему представился ледяной дождь в Стамбуле, трубки с опиумом, минареты, наргиле. Тут же он понял свою ошибку. «Turkey» означало не Турцию, а домашнюю птицу. «Cold Turkey» – это всего лишь «холодная индейка». Прозрачный намек на симптомы ломки: ледяной пот и гусиная кожа...

– По-твоему, – настаивал Касдан, – он никак не мог встрять в мое дело?

– Его поместили в центр три дня назад. По-моему, он сейчас клацает зубами в своем спальном мешке.

– Сколько ему лет?

– На вид двадцать семь-двадцать восемь.

– Образование?

– Магистр права, магистр философии, к тому же окончил не что-нибудь, а Канн-Экюз. Большой умница, и не только. Первый по стрельбе. Когда-то был чемпионом Франции по боевому искусству, уж не помню какому.

– А по службе?

– Сперва два года в наркоотделе. Там-то он, я думаю, и подсел.

– И после этого ты взял его к себе?

– У него на лбу не было клейма «наркоман». И потом, он ведь сам к нам просился. Парнями с такими данными не разбрасываются. Между прочим, в наркоотделе уровень раскрываемости у него был девяносто восемь процентов. Его можно заносить в книгу рекордов.

– Что еще?

– Музыкант. Кажется, пианист.

Касдан складывал кусочки мозаики. Картинка получалась интересная. Весьма необычный легавый.

– Женат?

– Нет. Но настоящий сердцеед. Все девчонки от него без ума. Бабы обожают таких парней. Смазливый. Дерганный. Своевольный. Он притягивает телок, как магнит.

Выходит, Касдан угадал. Наверняка по Волокину сохнет одна из служащих Генерального штаба, и через нее он отслеживает дела, которые его цепляют.

– Он сам предложил свою кандидатуру в ОПЗН. А в чем причина?

– Он жаждет крови. У него есть личный мотив, я уверен. Волокин сирота. В каких только приютах, приемниках, религиозных учреждениях он не побывал. Отсюда до предположения, что он сам пережил сексуальное насилие, всего один шаг. А от этого до мысли, что у него с педофилами свои счета, и того меньше.

– Как у тебя все просто.

– Чем проще, тем вероятнее, что это правда, Касдан. Сам знаешь.

Армянин не стал спорить. За сорок лет в полиции ему пришлось убедиться, что род человеческий особым воображением не отличается. В жизни легавого закон повторяемости подтверждается день ото дня.

– Как бы то ни было, он частенько переступает черту. Недавно зверски избил педофила. У себя в отделе мы закрыли на это глаза, а тому гаду пригрозили, что бросим его в камеру к убийцам, если вздумает жаловаться. Но с тех пор я с парня глаз не спускал. Не наше дело калечить подозреваемых. Хотя в нашем отделе кулаки иной раз так и чешутся.

Касдан попробовал представить себе странного полицейского. Способный. Умный. Опасный. Почему он заинтересовался убийством в церкви Иоанна Крестителя? Потому что оно затронуло детей?

Греши продолжал:

– Но его главный талант перевешивает все недостатки. Он умеет обращаться с детворой. Наша главная трудность в детях. Они ведь у нас единственные свидетели обвинения. Запуганные дети. В шоковом состоянии. Из них слова не вытянешь. Только Волокину это и удастся.

Касдану вспомнился его собственный провал с мальчиками-хористами.

– В чем тут фокус?

– Это его тайна. Он умеет найти к ним подход. Расположить к себе. Понимает их молчание. Их недомолвки. Умеет расшифровывать их рисунки, их жесты. Прямо психолог, зуб даю. Работает как зверь, дено и ночно. У нас в отделе о нем ходит шутка: мол, он лучше знаком с ночными уборщицами, чем со своими товарищами по работе.

Армянин вдруг задумался, а не встретил ли он потенци-

ального союзника. Действующего, как и он, на грани закона, но на тридцать пять лет моложе и наделенного умением, которого лишен он сам.

– У тебя есть точные координаты центра?

Греша дал ему адрес в пятидесяти километрах от Парижа, по-прежнему настаивая на своих сомнениях. Сейчас Волокин наверняка лежит в корчах ломки.

Касдан попрощался с комиссаром.

Ему хотелось побольше узнать об этом парне. Он отвел себе час, чтобы разнюхать кое-какие детали, и начал с полицейской школы в Канн-Эклюд. Сказал, что хочет поговорить с офицером-координатором. Благодаря самоуверенности, регистрационному номеру и особой манере выражаться можно вытянуть любые сведения у коллеги-полицейского.

– Припоминаю, – ответил офицер. – Он учился у нас с сентября девяносто девятого по июнь две тысячи первого. Пожалуйста, подождите. Я возьму его личное дело. – Через минуту в трубке вновь послышался его голос. – Ребята такого калибра у нас редкость. Он был первым в своем выпуске. Только высшие баллы. По всем дисциплинам. К тому же, если позволите так выразиться, крутой парень. Это отмечали все руководители стажировок. Смелый. Цепкий. Исключительное чутье.

– Сколько лет ему было в июне две тысячи первого, когда он окончил вашу школу?

Полицейский насторожился:

– Вы не знаете дату его рождения?

– У меня сейчас нет ее под рукой.

– Ему исполнилось двадцать три года. Он родился в сентябре семьдесят восьмого.

– Где?

– Париж, Девятый округ.

– Судя по моим записям, после вашей школы он поступил в наркоотдел.

– По его просьбе. Учитывая его результаты, он мог бы выбрать место получше.

– Вот именно. Почему он не предпочел более перспективную должность? Например, в МВД?

– Бумажная работа не для него. Какое там. Он хотел работать на улице. Попробовать дилера на зуб.

Поблагодарив офицера, Касдан повесил трубку. Греши подчеркнул, что Волокин – сирота. Касдан набрал номер ДСРЗ – Департамента по социальной работе и здравоохранению. Волокин – не классический подкидыш, рожденный от неизвестных родителей, иначе ему, как принято, дали бы фамилию, представляющую собой личное имя: Жан-Пьер Ален, Сильви Андре. И свидетельство о рождении им выдают в Четырнадцатом округе, где находится ДСРЗ. Приметы того, что детишки родились под несчастливой звездой.

Как и следовало ожидать, Касдану пришлось иметь дело с чиновником, предпочитавшим держать рот на замке. Он процедил сквозь зубы лишь несколько односложных отве-

тов. И все же Касдан узнал один адрес. Эпине-сюр-Сен – первый приют, куда в 1983 году попал Седрик Волокин. Ему было тогда пять лет.

После долгих переговоров он нашел пожилую женщину, которая помнила мальчика.

Армянин выдумал историю о статье, которую собирается написать для внутриведомственной газеты судебной полиции, и даже объяснил, по какому случаю. За проявленное мужество Седрик Волокин заслужил благодарность в приказе.

– Я так и знала! – обрадовалась воспитательница. – Так и знала, что Седрик выбьется в люди...

– Каким он был?

– Такой одаренный ребенок! Вы знаете, что он сам, без учителя, научился играть на пианино? И еще пел в церкви. Голос ангельский. Он поступил бы в хор «Певцы с деревянным крестом», если бы не дед с отцовской стороны. Противный старикашка.

– Расскажите поподробнее.

– Вам правда все это нужно?

– Расскажите все, что помните. Я уж сам разберусь.

– Седрик попал к нам в пять лет. Его отец умер вскоре после его рождения. Пьяница. Никчемный человек. Зарабатывал чем придется.

– А мать?

– Тоже пила. И с головой у нее не все было в порядке. После рождения Седрика стало еще хуже. Когда у нее забрали ребенка, она уже разучилась читать и писать.

– А почему дед не взял ребенка к себе?

– Потому что был не лучше своего сына. Русский. Мерзкий тип.

– А у вас он его навещал?

– Время от времени. Дрянной был человечешка. Озлобленный. Всех ненавидел. Я благодарила Бога за то, что Седрик живет не с ним. Но через несколько лет он поместил его в другой приют. Кажется, при монастыре. Он вернул себе права на опеку. – Старуха спросила шепотом: – Можно я скажу, что думаю?

– Конечно.

– По-моему, он сделал это из-за денег. Надеялся получать социальное пособие. Но тут его прихватил рак. Он умер, а Седрика перевели куда-то еще. Не знаю только куда.

– А после вы о нем слышали?

– Лет десять ничего. А потом он приехал меня навестить. Он тогда стал бакалавром. В семнадцать лет! Настоящий красавчик. И с тех пор наезжал по несколько раз в год. Или звонил. Представляете, я в курсе всех его новостей...

Касдан делал заметки. Очевидно, Волокин до самого своего совершеннолетия кочевал по приютам. Как он оплачивал учебу? Получал помощь от ГПО – Городского приемного отделения, которое предоставляет сиротам скромное пособие?

Армянин поблагодарил любезную старушку и подвел итоги. Раз Волокин стал бакалавром до того, как ему исполнилось восемнадцать, значит, это произошло в июне девяносто шестого. Видимо, после этого он записался в Сорбонну, на юридический факультет в Ассасе или Нантерре. Связаться с его преподавателями? Нет. Касдан предпочел заняться его спортивными достижениями. Возможно, их следы остались в Интернете.

Долго искать ему не пришлось. Набрав ключевые слова «кикбоксинг» – вид спорта, выбранный наудачу, – «чемпион» и «Франция», он набрел на подробный сайт «Ножной и кулачный бокс». Речь там шла и о кикбоксинге, и об американском боксе, и о французском, и о муай тай – тайском боксе. Одна из страниц предлагала списки чемпионов каждого десятилетия по всем дисциплинам: «80-е годы», «90-е годы», «чемпионы будущего»... В разделе «90-е» Касдан легко обнаружил список достижений Волокина вкупе с фотографией скверного качества.

Седрик Волокин.

Дважды чемпион среди юниоров по муай тай (1995 и 1996). Родился 17 сентября 1978 года в Париже.

Рост: 1,78 м. Вес: 70–72 кг. Достижения: 34 боя, 30 побед (23 победы нокаутом), 2 ничьих, 2 поражения.

В статье указывалось, что спортсмен всегда выступал за

один клуб, «Муай тай-Досуг» в Леваллуа-Перре.

Касдан набрал номер клуба.

– Алло?

Запыхавшийся голос. Касдан позвонил в разгар тренировки. Он представился и сказал, что ему нужен директор.

– Это я. Я тренер клуба.

– Я звоню вам по поводу Седрика Волокина.

– У него неприятности?

– Вовсе нет. Просто приводим в порядок личные дела.

– Вы из службы внутренней безопасности?

Похоже, Касдану попался крепкий орешек. Он продолжал как можно доверительнее:

– Нет. Это чисто административный запрос. Мы уточняем данные наших лучших сотрудников. Для принятия решений относительно их будущего, понимаете?

Молчание. Похоже, он не сумел расположить к себе тренера. И то сказать, его легенда звучала не слишком убедительно.

– Что вы хотите знать?

– По нашим сведениям, Седрик перестал участвовать в соревнованиях в тысяча девятьсот девяносто шестом году, после двух побед на чемпионате Франции среди юниоров.

– Точно.

– Почему он прекратил соревнования? Он никогда не выступал во взрослом разряде?

Снова пауза. Более продолжительная. Более напряжен-

ная.

– Сожалею. Это профессиональная тайна.

– О чем вы? Вы не врач и не адвокат. Я слушаю.

– Нет. Профессиональная тайна.

Касдан откашлялся. Хватит миндальничать. Пора взять его в оборот.

– Послушайте. Речь идет о куда более серьезном деле, чем вы могли подумать. Так что либо мы с вами сейчас поговорим по телефону и покончим с этим за три минуты, либо завтра утром вы получите повестку. Вызов на набережную Орфевр, тридцать шесть, и кучу неприятностей.

– Тридцать шесть – это не уголовный отдел?

– Не только.

– А вы из какого отдела?

– Вопросы здесь задаю я. И я все еще жду вашего ответа.

– Я уже не помню, на чем остановился, – пробормотал тренер.

– Все на том же. Почему Волокин не участвовал в других чемпионатах?

– Вышла одна заковыка, – признал он. – В девяносто седьмом году. С антидопинговым контролем.

– Волокин употреблял допинг?

– Нет. Но в моче у него кое-что обнаружили.

– Что именно?

Поколебавшись, тот ответил:

– Следы опиатов. Героин.

Поблагодарив тренера, Касдан повесил трубку. Информация оказалась бесценной. И полностью меняла расклад. Ему описали образцового парня, который подсел на наркоту в двадцать пять лет, общаясь с дилерами и наркоманами.

Но все было не так.

Совсем не так.

Волокин стал наркоманом задолго до поступления в наркоотдел. Теперь Касдану рисовался образ мальчишки, подавлявшего свои психологические травмы. Паренька, который рано приобщился к наркоте. Пытаясь забыть то, что ему пришлось пережить в приютах или у своего подлого деда.

Из головы не шел прежний вопрос. На какие шиши молодой Волокин жил, пока учился в университете? На тысячу франков ежемесячного пособия дневную дозу не купишь. Вывод напрашивался сам собой. Волокин торговал наркотиками. Или занимался другими незаконными видами деятельности.

Касдан связался с одним из бывших сотрудников по судебной полиции и попросил кое-что поискать в базах данных. После некоторого сопротивления тот согласился выяснить номер водительских прав Седрика Волокина и адреса квартир, в которых тому довелось жить в студенческие годы.

В девяносто девятом, когда Волокин писал магистерскую диссертацию, он жил в трехкомнатной квартире площадью сто метров на улице Тронше, неподалеку от площади Мадлен. Квартирная плата за такие хоромы никак не ниже два-

дцати тысяч франков...

Дилер.

Касдан спросил, какая у него была машина. Компьютеру понадобилось несколько секунд, чтобы найти ответ. В девятности восьмом он приобрел «мерседес 30 °СЕ 24». В то время – самая дорогая и модная тачка. Модель для понтов. Волокину всего двадцать лет.

ДИЛЕР.

И наконец он попросил проверить Седрика Волокина через систему регистрации и учета правонарушений. Эта база данных запоминает все: от штрафа за неправильную парковку до утвержденного приговора. Безрезультатно. Хотя это еще ничего не значит. Если даже Волокин совершил незначительное преступление, его могли амнистировать в связи с проходившими в то время президентскими выборами. В таких случаях все сведения уничтожаются.

Касдан повесил трубку и задал себе главный вопрос. Что могло толкнуть дилера-наркомана в расцвете сил поступить в полицейскую школу и два года носить форму? Ответ оказался одновременно простым и мудреным. Волокин решил не быть дураком. Он понимал, что рано или поздно попадется и будет медленно загибаться от ломки в тюрьме. А где можно раздобыть наркотики, почти ничем не рискуя? В полиции. Волокин перешел на другую сторону просто для того, чтобы получать наркотики, оставаясь безнаказанным. И задарма.

Высокой моралью тут и не пахло.

Но Касдана чем-то привлекал этот сумасброд, который так заигрался со своей жизнью, что совсем сбился с пути. Армянин догадывался о другой правде. Наркотики и работа в наркоотделе были для русского лишь эпизодом. Касдан чувствовал, что на самом деле Седрик Волокин стал полицейским по иной причине.

Через два года он перевелся в отдел по защите прав несовершеннолетних. И с головой ушел в работу. Истинными врагами и истинной мотивацией Волокина были педофилы. Защищать детей. Для этого ему требовалась ежедневная доза, и он горбатился в наркоотделе, чтобы создать свои сети. Только тогда он всерьез взялся за дело. Начал крестовый поход против хищников-педофилов. Касдан просматривал свои записи, словно читал биографию супергероя, вроде тех, что когда-то попадались ему в комиксах компании «Марвел». Суперполицейский, наделенный сверхспособностями: умом, храбростью, искусством муай тай, умением метко стрелять. При этом у него непременно должна быть слабость, ахиллесова пята, вроде хрупкого сердца Железного человека и криптонита, отнимающего силы у Супермена.

Слабостью Седрика Волокина были наркотики. С этой напастью ему пока не удалось совладать. Доказательство тому – его нынешнее пребывание в центре дезинтоксикации.

Касдан улыбнулся.

Он знал только одного легавого с такой запутанной мо-

тивацией.

Себя самого.

С Эриком Верну, которому официально поручено расследование, трудностей не возникнет.

А вот со вторым, армянином, придется повозиться.

Побывав в соборе Святого Иоанна Крестителя, Волокин обзвонил семьи семерых ребятишек, носивших «конверсы». И был принят в штыки. Детей уже опросил майор полиции Лионель Касдан. Воло не пытался настаивать. Отец Саркис упоминал Касдана, «деятельного члена прихода», офицера полиции в отставке, оказавшегося на месте в момент обнаружения тела...

В полдень Волокин отправился в чилийское посольство, но здесь дорогу ему перебежали. Верну уже побывал по адресу проспект Мотт-Пике, 2. Чего ради к ним заявляется еще один полицейский и задает те же самые вопросы? Не многовато ли легавых для одного трупа?

Воло сделал выводы. Раз нельзя разобраться с трупом, он пока разберется с живыми. Со своими соперниками. Одного звонка хватило, чтобы составить представление о Верну. Тридцать пять лет. Уже три года капитан первого подразделения судебной полиции. На хорошем счету у начальства. Дело свое знает, раз сумел убедить прокурора оставить ему расследование. Добросовестный болван, который угробит всю отпущенную ему неделю, выслеживая убийцу. Этот

парень ему не помеха. По очень простой причине: он идет по политическому следу, а Воло отлично известно, что убийство никак не связано с чилийским прошлым жертвы.

С другим будет посложнее.

Он кое-что разузнал об отставном легавом. Лионель Касдан. Шестьдесят три года. Нехилый послужной список и нехилые связи. Воло где-то уже слышал его имя. Армянин служил в антитеррористических подразделениях в ту легендарную эпоху, когда ими командовал комиссар Бруссар. Некоторое время провел в полицейском спецназе и триумфально завершил карьеру в уголовке, раскрывая самые громкие преступления, в том числе дело серийного убийцы Ги Жоржа.

Что касается его боевых заслуг, тут Воло наслушался баек, которым не слишком доверял. Как бы то ни было, Касдан оказался из тех полицейских, которые предпочитают работу на земле. Настырный, напористый, с верным чутьем на людей и преступления. Настоящий опер, не рвущийся к власти: он и майора-то получил почти против воли, в основном из-за благодарностей в приказе и отличных результатов.

Касдан не раз рисковал своей шкурой. В уголовке тоже добивались рекордных результатов раскрываемости, пусть и не лучше, чем его собственные. А еще рассказывали о нюхе Касдана, упорстве Касдана, героизме Касдана и чувстве товарищества, присущем Касдану. О всех тех дурацких ценностях, на которые Воло плевать хотел. О ценностях старо-

модного легавого, чуточку фашиста снаружи, бравого придурка внутри. В то время, когда до Воло доходили эти слухи, сам он вкалывал в наркоотделе, зажатый между иглой и наручниками, озабоченный своей дозой и созданием надежного канала поставок. Лионель Касдан шел вперед под звуки «Марсельезы», ну а его заводили слова Нила Янга: «I've seen the needle and the damage done / A little part of it in every one / But every junkie's like a settin'sun...»⁵

Воло были нужны подробности. Даты. Факты. Во второй половине дня он добрался до архивов Парижской полиции, где хранились личные дела всех полицейских. Вот они, даты, черным по белому. И факты не опровергали легенду.

1944.

Родился в Лилле. Иранский подданный. 1959. Учится в школе-интернате в Аррасе, стипендиат. Благодаря настойчивости родителей, кожевников в Третьем округе Парижа, получает французское гражданство. 1962. Призван в армию. Служил в Камеруне, где – этого Воло не знал, – как в Алжире, проводилась «операция по поддержанию порядка». 1964. Возвращение во Францию. До 1966 – никаких сведений. Касдан проходит административный конкурс в Парижскую полицию. Регистрационный номер RY 456321. Вступает во второе подразделение в Восемнадцатом округе.

Привыкший к войне, он наверняка подыхал от скуки, пат-

---

⁵ «Я видел иглу, я видел ад / Все мы в душе наркоманы / Но каждый нарик похож на закат...» (англ.)

рулируя город. Но в этот момент война сама хлынула на парижские улицы. Май 1968 года. В смутное время Касдан расстается с формой, чтобы затеряться в толпе и принять участие в главном сражении.

На этом месте Воло, погрязший в полицейских архивах, взялся за телефон, чтобы сухие факты в личном деле Касдана обрели плоть. Он знал кое-кого из стариков, которые могли ему в этом помочь.

Тогда, перед баррикадами, армянин и встретил Робера Бруссара. Все силы полиции были мобилизованы на борьбу с левацкими подонками. Бруссар умел распознать настоящего легавого. Он взял на заметку бесстрашного армянского великана.

Через три года, когда Бруссар вступил в антитеррористическое подразделение, он вспомнил бывшего солдата. В 1972 году Кастет, он же Дудук – так его прозвали в честь армянского духового инструмента, – поступил в отдел по борьбе с бандитизмом. То были годы президентства Жискара д'Эстена. Эпоха гангстеров. Месрин. Братья Земур. Франсуа Бесс. Серийные вооруженные нападения, захваты заложников... С «манурином» в руках Дудук участвует во всех операциях.

Каждый год непосредственный начальник заносит в личное дело полицейского оценку, от одного до семи, играющую ключевую роль в его продвижении по службе. И к каждому Рождеству Касдан получал свои «семь из семи». Волокин ощутил, как в нем растет восхищение перед старым армяни-

ном и в то же время глухое раздражение к этому верному солдату Республики. Его собственным потолком была «четверка», и все из-за его сомнительной репутации, хотя он наверняка в сто раз одареннее Дудука.

В личном деле Волокин обнаружил ксерокопию отрывка из «Мемуаров» Бруссара. По словам старого комиссара, «Лионель Касдан был одним из лучших в отделе. Щедро наделенный и мозгами, и мускулами, он приберегал кулаки для бандитов. А свои мысли держал при себе. Я всегда подозревал, что армянин – настоящий интеллектual, но он никому не докучал своими проповедями. Молчаливый, четкий, одиночка по природе, он умел работать в команде и отличался безупречной лояльностью».

За семь лет работы в полиции Касдан прошел огонь и воду.

Ранение.

В 1974 году в Бресте уволенный служащий берет в заложники восемь сотрудников компании, в которой работал. В тот же вечер в дело включается отдел по борьбе с бандитизмом. Касдан подкрадывается к дверям фирмы. В этот момент кто-то из журналистов включает прожектор. Обезумевший человек замечает за стеклянной дверью фигуру Касдана и с перепугу открывает стрельбу. Пятьдесят четыре пули попадают армянину в шею и грудь. Лишь чудом хирургам лечебного комплекса при Брестском университете удастся его спасти. Выздоровление заняло три месяца. В награ-

ду он получит поздравительное письмо от министра внутренних дел и представление к ордену «За заслуги», который обычно присваивают посмертно.

Злоупотребления.

В 1978 году в результате напряженной погони в Восьмом округе Парижа в тупике Робер-Этьен был задержан марсельский правонарушитель. Через несколько часов он скончался на набережной Орфевр, после допроса, проведенного Касданом. Тот только и сказал себе в оправдание, глядя на свои раскрытые ладони: «Я не заметил, как это случилось». Заключение патологоанатомов – смерть от сотрясения мозга, вызванного ударом. Когда был получен этот удар: во время погони или на допросе? Вопрос остается без ответа. Дело против Касдана прекращено.

1979.

Три года о Дудуке ни слуху ни духу. Волокину не удалось найти ни одного документа, относящегося к этому периоду. Армянин вновь всплывает в 1982-м. При президенте Миттеране. То время называли «годами жучков» из-за нелегальной прослушки, которую устанавливали по приказу президента. Касдан был втянут в это дело. Кристиан Пруто, основатель антитеррористического подразделения французской национальной жандармерии, только что создал собственную анти-террористическую ячейку. Он предлагает Касдану, с которым познакомился на стрельбищах, присоединиться к нему. Армянин вступает в подразделение, которое быстро превра-

щается в координационный центр, иначе говоря, в центр внутренней разведки. Касдан несомненно выполнял задания по нелегальной прослушке, направленной против политических соперников, известных деятелей, журналистов. В 1998 году он выступил свидетелем на процессе Кристиана Прото. Но сам вышел сухим из воды.

В 1984 году Касдан опять исчезает.

В 1986 году министр внутренних дел Пьер Жокс создает ПСВР – «Поиск, содействие, вмешательство, разубеждение», аналог антитеррористического подразделения французской национальной жандармерии, но уже для полиции. И на этот раз формированием подразделения занимается Брусар. Он вновь вспоминает о капитане Касдане. Армянину около сорока. Он женат, у него пятилетний сын. Он уже не в том возрасте, чтобы играть в ковбоев. Теперь он обучает элитных стрелков. Касдан – специалист по полуавтоматическим пистолетам. Именно благодаря ему пистолеты такого типа стали широко использоваться в полиции. В Бьевре, где тренируются стрелки, проходят годы. В 1991 году Касдан возвращается к оперативной работе. Он переходит в уголовный отдел. Никогда прежде Дудук не занимался собственно сыском. Он был человеком действия, тайным агентом, инструктором, но не связывался с поиском улик, бумажной волокитой, производством по делу, лабораторными анализами. И вот в сорок семь лет Касдан становится чудо-сыщиком. Экспертом, способным находить улики, анализировать

факты, разгадывать головоломки и раскалывать подозреваемых...

Волокину удалось поговорить об этом периоде с одним из бывших сотрудников Касдана. Армянин наконец оказался в своей шкуре – шкуре ищейки. Этот человек всегда шел по следу. Внимание к деталям плюс абсолютная память. Он был наделен способностью читать по губам, запоминать увиденные однажды лица, а главное, обладал искусством проникать в чужие мысли, угадывать мотивы и распознавать ложь.

Волокин догадывался, что к этому возрасту Касдан накопил огромный опыт в области зла и насилия, которые ему удалось обуздать, перенаправив на поимку убийц. Он научился терпению и не жалел времени, чтобы вычислить виновного.

1995.

В пятьдесят один год Касдан стал майором, а в пятьдесят семь, как и положено по уставу, вышел в отставку. С того дня в судебной полиции никто о нем и слыхом не слыхивал. Он не заглядывал в кабинеты на набережной Орфевр, 36. Никому никогда не докучал нудными воспоминаниями.

Касдан на самом деле перевернул эту страницу.

16.00. Волокин покинул архив и попрощался со служащими, всем видом демонстрируя, что он по уши погружен в расследование. Голова гудела от полученных сведений. Касдан, сорок лет прослуживший верой и правдой, полицейский без страха и упрека. Настоящий полицейский. Не какой-нибудь

свистун из тех, кого описывают в детективах, играющий по выходным на скрипке или увлекающийся филологией. Когда Воло шел к машине, его поразила одна мысль. За образом идеального сыщика Волокину чудилось что-то другое. Он нюхом чуял, что где-то концы с концами не сходятся, но не мог понять, где именно.

Он отправился в интернет-кафе и устроился в самой дальней кабинке. Намеченная цель – найти следы Касдана в Сети. Газетные вырезки, участие в армянских объединениях, свадебные речи... Не важно что, лишь бы что-то *личное*.

Волокин принялся щелкать мышкой и вдруг замер, глазам своим не веря.

Он обнаружил неожиданный источник. Автобиографию армянина, собственноручно им подписанную. Она не была нигде напечатана и даже не тянула на хронологически выстроенный текст. Источником оказалась серия статей, опубликованных в «Арарате» – ежемесячном иллюстрированном журнале армянской общины, который издавало объединение «Главный армянский союз», обосновавшееся в Альфорвилле. Вот уже несколько лет Касдан ежемесячно писал по статье на заданную тему и каждую начинал какой-нибудь забавной историей из собственной практики, затем переходя к предмету, действительно его интересовавшему, – к своей возлюбленной Армении.

Эта летопись затрагивала самые разные вопросы. Проблему паспортов для армян. Монастырь Сан-Лаццаро, располо-

женный на острове вблизи Венеции. Романы Уильяма Сарояна. Карьеру Анри Вернёя, французского режиссера, настоящее имя которого – Ашот Малакян. Касдан даже написал о группе американских металлистов «System of a down», все участники которой – армяне по происхождению. Эта подробность удивила Волокина. Он годами слушал лос-анджелесскую группу и с трудом представлял себе папашу, внимающего хитам вроде «Chop-Suey» или «Attack», состоящим в основном из воплей и воя электрогитар.

По мере чтения его удивление только возрастало. Армянин представал тонким, сложным человеком, глубоко чувствующим оттенки. Бруссар назвал его «настоящим интеллектуалом». Совсем не похоже на грубого, ограниченного легавого, который не заметил, «как это случилось», когда подозреваемый отдал концы у него на допросе.

Особенно трогательной оказалась статья о Сан-Лаццаро Дельи Армени. В 1964 году, вернувшись из Камеруна, Касдан удалился на этот остров, населенный одними армянскими монахами. Там он погрузился в армянскую культуру и улучшил знание языка. Рассказ Касдана, то, как он описывал свое одиночество и умиротворение, пробудили в Волокине собственные воспоминания. Он тоже знал мгновения ухода от мира, уединения. И он наслаждался душевным покоем, полным борений, когда отдалялся, или пытался отдалиться, от хаоса собственного существования, проходившего под знаком насилия и наркотиков.

Еще одна статья поразила его. Она была посвящена художнику Арману Татеусу Манукяну, американцу родом из Турции, который в тридцатых годах влюбился в Гавайи и поселился в Гонолулу. Его полотна, как картины Гогена, были полны красок, но в двадцать семь лет он отравился, сраженный депрессией.

Текст Касдана брал за душу. Армянин изобразил оба лица художника. Чистые линии и цветовые поверхности на его полотнах, сумерки в его больном мозгу. Воло не поддался обману. Касдан рассказывал о депрессии *изнутри*. Полицейский страдал психическим расстройством.

Последним из заметных портретов был рассказ об Ашоте Малакяне, он же Анри Вернёй. Все в этом французском режиссере привлекало Касдана. Прежде всего, он, как и Касдан, иммигрант, и его творчество нередко было проникнуто подспудной тоской изгнанника. К тому же Вернёй принадлежал к поколению режиссеров шестидесятых годов, снимавших боевики с Жан-Полем Бельмондо и Аленом Делоном. Интуитивно Волокин понимал, что Касдан видел в их персонажах себя. Да он и внешне был похож на Бельмондо в «Страхе над городом».

Более того, Волокин угадал любовь Касдана к черно-белому кино. Эстетика контрастов, отбрасываемых теней, лиц, снятых как пейзажи. Да, Касдану жизнь представлялась в черно-белом цвете. Он отождествлял себя с героем детективного фильма с тягучей речью – защитником устаревших

ценностей. С Жаном Габеном в «Мелодиях подземелья».

Волокин вышел из интернет-кафе в 18.00. В центре дезинтоксикации вот-вот наступит время вечернего супа. Поглощенный своими мыслями, он спустился в скоростное метро. Попытался суммировать все, что узнал о Касдане. Шестьдесят три года, метр восемьдесят восемь, сто десять килограммов. Мастер облавы, тайный агент, инструктор, ищейка. Но также и армянин, меланхоличный изгнанник, не пропускавший ни одной воскресной службы, на свадьбах подражавший Шарлю Азнавуру – об этом он узнал от другого полицейского-армянина, с которым говорил по телефону, – подпитывавший собственную личность соками своей общины. Нервный, возможно склонный к депрессии, состоявший из множества противоречивых качеств. В некотором роде интеллеktуал, скуповатый и, если верить слухам, бабник, хотя с женой так и не расстался.

По дороге в центр воображение Воло поразили один образ: Касдан представился ему в виде осколочной бомбы. Сжатые вместе фрагменты, готовые разлететься в любой миг. Если Дудук так никогда и не взорвался, разбрасывая вокруг смертоносные осколки, то только благодаря своей профессии легавого, позволившей ему сохранить целостность и устоять на ногах.

Волокин без звонка открыл калитку и проскользнул на пустырь, служивший реабилитационному центру садом. Здесь он устроился в брошенной у огорода садовой тачке. Его

обычное укрытие, чтобы выкурить косячок. Он вынес решение о своем сопернике. Возможный партнер, с которым у него не было ничего общего, кроме одного. Сыщицкого призывания. То есть самого главного.

Сидя в тачке и ощущая, как ночной холод понемногу пробирает его до костей, Волокин неторопливо вспорол ногтем сигарету «крейвен» и рассыпал светлый табак по двум склеенным вместе листкам папиросной бумаги. Скрип калитки заставил его поднять глаза и замереть.

У Волокина отвисла челюсть.

Из проема калитки показалась осколочная бомба собственной персоной.

Походкой плохо выдрессированного медведя к нему приближался Лионель Касдан.

В спортивной куртке песочного цвета и намотанном на шею шарфе.

Воло улыбнулся.

Он ждал этой встречи, но не так скоро.

– Привет, – сказал Касдан.

Ни звука в ответ.

– Ты знаешь, кто я?

Молчание.

При свете одной из лампочек, висевших на ограде, Касдан рассмотрел его лицо. Куда отчетливее, чем на фотографии. Ему сразу же бросилась в глаза красота Волокина. Саркис его не обманул: молодой человек, несмотря на слипшиеся от дождя волосы и трехдневную щетину, производил ослепительное впечатление. Правильные черты, большие светлые глаза под густыми – ровно настолько, чтобы не походить на девушку, бровями; чувственный, хорошо очерченный рот, напоминавший молодых рок-музыкантов в стиле гранж.

– Похоже, ты сейчас в стадии «овоща», – продолжал он. – Но мне в это не верится. Совсем не верится.

Волокин и бровью не повел. Уперев каблуки в бортик тачки, он уставился куда-то в даль, не обращая внимания на моросящий дождь. Армянин огляделся по сторонам: на козлах лежали колышки. Он решил прибегнуть к сильным средствам. Схватил палку обеими руками на манер японского меча и замахнулся, чтобы обрушить ее на голову нарка.

Но ему удалось только начать движение. Волокин одной левой перехватил обе его руки в полете. В то же время Ка-

сдан почувствовал его правый кулак в нескольких миллиметрах от своего горла. У него подкосились ноги. Сомневаться не приходилось: юный бунтарь способен прикончить его одним ударом, несмотря на его сто десять килограммов веса и хваленую силу.

– Я смотрю, твои рефлексy восстанавливаются.

Волокин в ответ только кивнул. Светлый табак, разложенный на папиросной бумаге, даже не просыпался с колен.

– Уж лучше ваших, папаша.

Касдан отступил, высвобождаясь из его хватки. Он швырнул на землю свой «меч».

– Не сомневаюсь, сынок. Но давай обойдемся без обидных кличек. – Он хлопнул в ладони. – Не пора ли нам познакомиться?

– Ни к чему. Я и так все о вас знаю.

– Это меня и интересует. Что тебе обо мне известно?

– Лионель Касдан. Армянский крестоносец. Готовый защищать любыми средствами вдову, сироту и всех невинных... Особенно если они армяне.

– Как ты узнал об убийстве?

– Через Генеральный штаб. Одна приятельница дежурит на площади Бово. Она пересылает мне то, что меня интересует.

Выходит, Касдан угадал. Он попытался изобразить мужскую солидарность.

– Трахаеть ее? – Он подмигнул.

– Нет. – Волокин наконец свернул самокрутку наверняка предназначавшуюся под косяк, но теперь он не стал добавлять в нее травку. – Я не такой, как вы.

– Как я?

– Мне говорили, вы и дырку в стене готовы натянуть.

Армянин испытал смешанное чувство. Лестно, что ему до сих пор приписывают достоинства жеребца. Но и обидно. Легенда, которую он всю жизнь старательно поддерживал, отчасти ложная, теперь казалась ему пошлой. От истощенного, плохо выбритого молодого человека веяло куда более притягательной чистотой.

– Проехали. Значит, ты получил телекс Верну?

– Ну да, по электронке.

– В котором часу?

– Вчера вечером. Около одиннадцати.

– А сегодня утром ты позвонил в криминалистический учет?

– Хватит вопросов. Вы знаете ответы.

– Но я не знаю, почему тебя так интересует это дело.

– Оно касается детей.

– Оно касается *одного* ребенка. Свидетеля. Ты считаешь себя специалистом?

Русский улыбнулся ему краешком губ. Чувственная вспышка, наверняка потрясавшая целые этажи секретарш в префектуре полиции.

– Касдан, вам ведь тоже известна моя история. Так что

давайте сэкономим время.

– Ты – легавый из отдела по правам несовершеннолетних. У тебя свои счета с педофилами. Но ты не специалист по насильственным преступлениям. И не психолог, которому поручено допрашивать детей, замешанных в этом деле.

Тот улыбнулся еще шире, и Касдана поразило, сколько в этой улыбке того, о чем он и не догадывался: юности, пылкости, жизнерадостности.

Русский закурил и направил сигарету на Касдана:

– Я вам нужен.

– Чтобы допрашивать ребятишек?

– Не только. Чтобы сорвать банк в этой игре.

Касдан расхохотался:

– Не строй из себя крутого, дай мне наводку.

Молодой полицейский глубоко затянулся и бросил на старого вояку взгляд. Под усилившимся дождем его глаза блестели хрустальным блеском. На ресницах сверкали дождевые капли. Касдан понял. Ломка, апатия, уязвимость соскочившего наркомана – все это лишь для отвода глаз.

Развалина обернулась гением.

Солдат, способный стать командиром.

– Отпечаток кроссовки.

– И что?

– Его оставил не свидетель.

– Нет?

– Это след убийцы.

Светлые глаза погрузились в зрачки Касдана.

– Убийца – мальчишка, Касдан.

– Мальчишка? – тупо повторил за ним армянин.

– Вот моя версия: Гетц был педофилом. Один из певчих свел с ним счеты. Конец истории, Касдан. Месть изнасилованного ребенка. Детский заговор.

Всю обратную дорогу одна фраза не шла у Касдана из головы. Знаменитая реплика Ремю из фильма Анри Декуэна «Неизвестные в доме». В роли адвоката-пьяницы он бросает суду: «Дети никогда не виновны!» Касдан повторил эти слова вслух, подражая южному акценту актера: «Дети никогда не выно-о-овны...»

И тут же ему вспомнились слова молодого полицейского: «Убийца – мальчишка». Нелепо. Чудовищно. Бред. За сорок лет службы Касдан ни разу не сталкивался с убийством, совершенным ребенком, – разве что очень редко читал о таком в газете, в разделе происшествий. И вот пожалуйста. Проехал пятьдесят километров, потратил три часа времени, чтобы услышать такую чушь.

О Волокине у него уже сложилось определенное мнение. Молодой русский – чокнутый. Накрученный, переживший детскую травму, не удивительно, что ему повсюду мерещатся стервятники-педофилы. Они пожали друг другу руку, обменялись номерами мобильных, но Касдан дал понять, что этим стоит ограничиться. Пусть отдыхает в своей клинике и больше не встречается в его расследование.

Он посмотрел на часы. 21.00. Меньше чем через полчаса он будет дома. Сварит себе горячего кофе и возьмется за книги. Похоже, политический след самый правдоподобный.

К утру он будет знатоком политической истории Чили.

Он подъезжал к кольцевому бульвару, когда зазвонил мобильник.

– Это Мендес.

– Есть новости?

– И да и нет. Как я и думал, результаты анализа на токсины отрицательные. Зато есть кое-что другое. – Патологоанатом прокашлялся и продолжал: – Кое-что непонятное. Я завершил исследование шрамов – в частности, на члене. Изучил их под микроскопом.

– И что?

– Они появились не в семидесятых годах. Куда там. В некоторых даже содержится гемосидерин. Следы железа, проще говоря, крови. А это значит, что рубцы едва образовались.

– Неужели его пытали в этом году?

– Да нет, не пытали. По-моему, тут все куда гаже...

– То есть?

– Он сам себя изувечил. Такие раны характерны для некоторых видов извращений. Ты перевязываешь себе член, чтобы повысить чувствительность...

Армянин хранил молчание. Мендес продолжал:

– Знал бы ты, с чем приходится сталкиваться... Да вот на прошлой неделе я получил фрагмент фаллоса. По почте. Кусочек члена, клянусь. И на этом кусочке...

– Ты считаешь Гетца извращенцем?

– Садомазохистом. Хотя я не уверен на все сто. Но мне нетрудно себе представить, как он кромсает свой пенис...

Касдан подумал о Насере – молодом педике. Участвовал он в этих грязных забавах? Тут он вспомнил об их эротических играх на водопроводной станции. Наметился новый след. Причудливый мир извращенцев. И версия о неизвестном сексуальном партнере, садисте и убийце.

– Больше ничего?

– Еще с протезом не все ясно.

– Какой протез?

– Я тебе вчера говорил, что Гетц перенес операцию.

– О'кей. Вспомнил.

– По номеру протеза я хотел выяснить, где он изготовлен и кем была сделана операция.

– Не вышло?

– Нет. Хотя происхождение мне известно – протез изготовлен крупной французской лабораторией, но не удалось установить, какая клиника его приобрела. Никаких следов.

– Как ты это объяснишь?

– Получается, что его вывезли за границу. Но тогда остался бы след на таможне. А его нет. Протез покинул Францию, но никакой иной границы не пересекал. Совершенно непонятно.

Касдан терялся в догадках. Может, это просто бюрократическая ошибка? Пока его больше занимало другое открытие: возможная склонность чилийца к садомазохизму.

Касдан поблагодарил Мендеса за очередной факт, который узнал на несколько часов раньше Верну, и отключился. Свернул с кольцевого бульвара на улицу Шапель, наслаждаясь отсутствием пробок. Вообще-то эта дорога вечно забита. А еще ему нравился ночной Париж под дождем: блестящий и умытый. Сорок лет ему приходилось ездить ночью по городу, и до сих пор не надоело.

Снова зазвонил телефон.

Касдан ответил, выруливая на улицу Мак-Дормуа.

– Месье Касдан?

– Это я, – сказал он, не узнавая голос.

– Я отец Станислас. Священник прихода Нотр-Дам-дю-Розер в Четырнадцатом округе.

Один из тех, кого он не застал, объезжая сегодня храмы.

– Я узнал о смерти Вильгельма Гетца. Чудовищно. Неве-
роятно.

– Кто вам сообщил?

– Отец Саркис. Оставил сообщение. Мы хорошо знакомы.

Вы – тот инспектор, которому поручено следствие?

«Инспектор». Сколько еще веков будут использовать это слово, полностью вышедшее из употребления? Но не ему привередничать.

– Да-да, – подтвердил Касдан.

– Чем я могу вам помочь?

– Я хочу больше узнать о Гетце. Понять, что он был за человек.

Святой отец набросал привычный портрет. Образцовый иммигрант, безгранично преданный музыке. Из духа противоречия Касдан задал провокационный вопрос:

- А о том, что он гомосексуалист, вы знали?
- Догадывался.
- И вас это не смущало?
- С какой стати? Похоже, у вас не слишком... широкие взгляды, инспектор.
- Как по-вашему, Гетц жил двойной жизнью?
- Вы имеет в виду его гомосексуализм?
- Или что-нибудь еще. Извращенные вкусы, сексуальные отклонения...

Касдан ожидал возмущенной вспышки – он нарочно перегнул палку. Но ответом ему было только молчание. Кажется, священник задумался.

- Вы что-то за ним замечали? – настаивал армянин.
- Не совсем так...
- Вам что-то известно?
- Возможно, здесь нет никакой связи... Но у нас кое-что произошло.
- Что именно?
- Пропал певчий. Из нашего хора.
- Ребенок?
- Да, ребенок. Два года назад.
- Как это случилось?
- Мальчик исчез, вот и все. Словно испарился. Бесследно.

Сначала думали, он сбежал из дома. Следствие выяснило, что он собирал вещи. Но от такого ребенка, как он, никто не ожидал ничего подобного.

– Погодите, я припаркуюсь.

Касдан подъехал к надземному метро на бульваре Шапель. Он поставил машину в тени металлических конструкций, выключил мотор и вынул блокнот.

– Имя мальчика, – процедил он, снимая колпачок с фломастера.

– Танги Визель.

– Еврей?

– Нет. Католик. Возможно, у него еврейские корни, я не знаю. Фамилия пишется как слышится.

– Сколько ему было лет?

Судя по голосу, у священника перехватило горло:

– Вы говорите о нем в прошедшем времени. Но мы не знаем наверняка...

– Сколько лет ему было тогда?

– Одиннадцать.

– При каких обстоятельствах он исчез?

– После репетиции. Он покинул приход, как и другие дети, в шесть часов вечера во вторник. Но домой так и не вернулся.

– Какого числа?

– В начале учебного года. В октябре две тысячи четвертого.

– Расследование проводили?

– Ну конечно. Но оно ничего не дало.

– Не помните, какой отдел занимался этим делом?

– Нет.

– А фамилию полицейского?

– Не припомню.

– Вы когда-нибудь слышали об ОЗПН?

– Нет.

– А почему вы вдруг заговорили об этой истории? Вильгельма Гетца в чем-то подозревали?

– Нет, конечно! Куда вы клоните?

– Его допрашивали?

– Всех нас допрашивали.

Короткая пауза. Касдан чувствовал, что вот-вот узнает нечто важное.

– Святой отец, если вам что-то известно, самое время сказать об этом.

– Мне нечего добавить. Просто Вильгельм был последним, кто видел Танги в тот вечер.

Священник был в смятении. Армянин продолжал:

– Потому что он был регентом?

– Не только. После репетиции Вильгельм тоже уходил. Так что часть пути он шел вместе с детьми. Полицейские спросили, не провожал ли он Танги...

– И что же?

– Вильгельм Гетц сказал «нет». Им было не по дороге.

– Где жил мальчик?

– Это важно для вашего расследования?

– Все важно.

– Визели живут в Четырнадцатом округе. На улице Булар, пятьдесят шесть, неподалеку от улицы Дагер.

Записав адрес, Касдан спросил:

– Это все, что вы можете сообщить мне о Гетце?

– Да. И повторяю: в деле Визеля его никогда ни в чем не подозревали. Сожалею, что рассказал вам об этом.

– Не переживайте. Я все понял правильно. Я зайду к вам завтра.

– Зачем?

У Касдана едва не вырвалось: «Чтобы прочитать по глазам, что ты утаил», но вместо этого он ответил: «Простая формальность». Отключив телефон, он почувствовал, как по телу прокатился озноб. Не исключено, что исчезновение ребенка и убийство Гетца как-то связаны.

Он убрал блокнот и фломастер, взгляделся в высокие арки надземного метро. Подумал о том, что узнал от Мендеса. Подозрение в сексуальных извращениях. А теперь еще и пропавший ребенок... Касдан задумался, а был ли Гетц таким уж безобидным... Он с трудом подавлял желание сложить вместе три определения: гомосексуалист-извращенец-педофил.

А что, если Волокин прав?

Касдан боролся с сомнениями. Сам способ убийства про-

тиворечил предположению об убийце-ребенке. Неизвестное орудие убийства. Неведомый сплав. То, что мишенью послужили барабанные перепонки. Все это шло вразрез с версией о детской мести.

Касдан завел машину и поехал дальше по бульвару Роше-шуар.

«Дети никогда не виновны».

Теперь реплика Ремю звучала фальшиво.

Она уже не казалась аксиомой.

Седрик Волокин принарядился.

Поношенный черный костюм. Грубая белая рубашка с торчащим воротником. Темный помятый галстук, вроде тех, что носят дети, с ложным узлом на резинке. Все тонуло под тяжелой военной курткой цвета хаки.

В этом наряде было что-то трогательное – неловкое, наивное. Не говоря уже о кроссовках, разом сводящих на нет все попытки выглядеть элегантным. Кроссовки «конверс». В этой детали Касдан усмотрел вещественное доказательство сходства Волокина с ребятами из собора.

Русский ждал его у решетки «Cold Turkey», словно авто-стопщик. Едва заметив «вольво» Касдана, он подхватил сумку и побежал навстречу.

– Ну что, папаша? Передумал?

Касдан позвонил рано утром и предупредил, что заедет за ним ровно в десять. Условия сделки простые: он давал Волокину день, чтобы допросить детей и найти доказательства его теории. Одновременно он позвонил начальнику ОЗПН Греши и предупредил, что забирает парня из заключения. «На стажировку». Комиссар, похоже, удивился, но вопросов задавать не стал.

– Залезай.

Волокин обошел машину. Касдан заметил у него на плече

армейскую сумку. В таких в Первую мировую солдаты таскали гранаты.

Русский сел на пассажирское сиденье. Армянин тронулся. Первые километры прошли в молчании. Минут через десять парень взялся за вчерашнее. Папиросная бумага. Светлый табак...

– Ты что делаешь?

– А вы как думаете? Сам директор центра раздает нам гашиш. Говорит, это природный продукт. В столовой висит табличка: «Да здравствует конопля!» Представляете?

– А тебе никогда не говорили, что это вредно для мозгов?

Волокин провел языком по клейкому краю папиросной бумаги и склеил два листочка.

– Там у нас это наименьшее из зол.

– В Камеруне говорили: «Пуля в заднице лучше пули в сердце».

– Вот-вот. А какой он, Камерун?

– Далекый.

– От Франции?

– И от нынешних времен. Иногда мне не верится, что я там был.

– Я и не знал, что там была война...

– Ты не один такой. И слава богу.

Волокин осторожно извлек из фольги палочку конопли. Поджег зажигалкой уголок и раскрошил его над табаком. Пьянящий запах наркотика заполонил салон. Касдан опу-

стиль стекло, подумав, что денек уже принимает странный оборот.

Он решил перейти прямо к делу:

– Как ты прознал про Танги Визеля?

– Кого-кого?

– Танги Визеля. Пропавшего мальчишку из хора Нотр-Дам-дю-Розер.

– Какой мальчишка? Какой еще хор?

Касдан оглянулся на Волокина – тот скручивал косяк.

– Так ты не в курсе?

– Клянусь, ваша честь, – ответил тот, поднимая правую руку с косяком.

Касдан сдал назад и свернул на подъездной путь к автомагистрали. Ночью он выяснил, какая следственная группа занималась исчезновением маленького Танги: ребята из третьего подразделения судебной полиции на проспекте Мен, а вовсе не отдел по защите прав несовершеннолетних. Так что русский вполне мог и не знать.

Он вкратце изложил ему суть дела:

– Два года назад пропал мальчишка. Он пел в одном из хоров, где Гетц был регентом. В церкви Нотр-Дам-дю-Розер.

– Я не знал даже, что Гетц руководил не одним хором. А при каких обстоятельствах он пропал?

– Вечером мальчик вышел из прихода, а домой так и не вернулся.

– Может, пустился в бега?

– Говорят, он и правда собрал вещи. Следствие ни к чему не привело. Танги Визель испарился.

– Возможно, это подтверждает мое предположение о педофилии. Но не стоит забегать вперед.

– Ты прав. Нет никаких доказательств, что Гетц причастен к исчезновению мальчишки. Совершенно никаких.

Волокин закурил косяк. Запах гашиша в салоне усилился. Касдану он всегда нравился. Он напоминал ему об Африке. Он отметил контраст между этим жарким экзотическим ароматом и унылым видом, открывавшимся из машины: черные поля, грязные домишки, размалеванная в кричащие цвета торговая зона.

– Я всю ночь копался в разных базах данных, – продолжал он. – Хотел выяснить, был ли Гетц раньше замечен в чем-то подобном. Но ничего не нашел. – Он щелкнул по зубам ногтем большого пальца. – Я перерыл всю базу данных на лиц, замеченных в сексуальных правонарушениях. Заглянул в архивы твоего отдела, отдела по борьбе с преступлениями против личности. Но фамилия Гетца мне не попадалась ни разу. Он блее снега.

Волокин медленно выдохнул дым через нос.

– Раз вы приехали за мной, вы не так уж в этом уверены. – Он старательно выдохнул еще одну длинную струю. – Вообще-то с педофилами нельзя полагаться на базы данных. Я знал многих, которые годами ускользали из сетей. Педофил – зверь свехосторожный. И хитрый. Уж точно не из тех

отморозков, с которыми вы привыкли иметь дело. Он опасается не только легавых, но и всех вообще. Даже самого Бога. Он противостоит всему миру. Ему известно, что он чудовище. Что никто его не понимает. Что в тюрьме другие подонки его прикончат. Это придает ему изворотливости и умения стать невидимым.

Касдан дернул плечом и продолжил свой рассказ:

– На Насера я тоже ничего не нарыл.

– На кого?

– На дружка Гетца. Ты хоть знаешь, что чилиец был педиком?

– Нет.

Армянин вздохнул:

– Насер – маврикиец индийского происхождения. Он уже несколько лет сожительствовал с Гетцем и потихоньку при-торговывал собой. Я даже удивился, что у вас в отделе не заведено на него дела. Я-то думал, парня уже задерживали где-нибудь на площади Дофин, в квартале Маре, в общем, там, где тусуются такие, как он. И он был несовершеннолетним.

– А я ничего не знал.

– По-моему, ты вообще ничего не знаешь.

Хотя вслух Касдан этого не произнес, но даже неведение Волокина усиливало его восхищение. Не располагая никакими уликами, парень, возможно, угадал насчет Гетца. Русский предложил ему косяк, но армянин лишь покачал головой.

– Вы ведь не все мне говорите, – упрекнул его молодой

легавый. – Вчера, когда я поделился с вами своей теорией о педофилии Гетца и детской мести, вы решили, что я псих. А сегодня сами за мной приехали. За это время вы, вероятно, узнали, что Гетц был педиком. И что пропал тот мальчишка. Но у вас есть что-то еще.

– Есть, – признал Касдан. – Вчера вечером мне звонил судмедэксперт. У Гетца на теле нашли шрамы, особенно на члене. Сперва я подумал, что это память о чилийской хунте. Но раны совсем свежие. Вероятно, Гетц сам себя увечил. Если этого не делал его дружок.

– Понимаю, к чему вы клоните. Для вас педик и садомазохист – почти одно и то же. А там недолго додуматься и до того, что ему нравились дети...

– А ты так не считаешь?

– Нет. Вы говорите о трех совершенно разных сексуальных наклонностях.

– Пусть педик и педофил – не одно и то же. Но ведь Гетц теперь выглядит настоящим извращенцем, разве не так? Да и у его дружка Насера рыльце в пушку. Проститутка мужского пола, привыкшая удовлетворять самые дикие желания клиентов...

Транспортная развязка у Порт-де-ла-Шапель. Здесь автомагистрали пересекались, сплетались и спутывались, будто непроходимые заросли. Черные зевы туннелей зияли подобно чудовищным пастьям. Чтобы проникнуть в город, надо пройти испытание мраком.

Волокин скрутил очередной косяк. Долго ли он продержится при таком ритме? – подумал Касдан. Шорох бумаги и запах гашиша мешался с воем гудков и моторов. Он свернул на кольцевой бульвар в сторону Порт-де-Берси.

Русский снова провел языком по папиросной бумаге и объявил:

– Давайте играть в открытую. Вы нуждаетесь во мне. Я нуждаюсь в вас. В том, что касается детей, у меня есть опыт, которого нет у вас. И, скажем, вы обладаете авторитетом, которого у меня никогда не будет. В то же время оба мы действуем совершенно нелегально. Я надеюсь, что мы можем схватить подонка, но с тем же успехом, учитывая, как мало у нас возможностей, мы способны сесть в лужу.

– И что?

– Да ничего. В обоих случаях мы чему-то научимся друг у друга. Оба мы на стажировке.

Касдан открыл бардачок, держа руль одной рукой:

– Это тебе.

Зажав пальцами косяк, Волокин погрузил левую руку в бардачок. Он извлек оттуда «глок-19» – компактный, пятнадцатизарядный, из полимеров и стали. Касдан следил за выражением его лица. Оно не изменилось.

– А вы не перебарщиваете?

Касдан взвесил в руке свое оружие, девятимиллиметровый Р226-Пара марки «Зиг Зауэр», который утром взял из сейфа.

– Первое правило на стажировке – быть готовым к худшему.

Не выпуская косяка, Волокин засунул пушку за пояс, сперва проверив предохранитель. Потом невозмутимо закурил. Похоже, от ношения оружия ему не было ни жарко ни холодно.

– А другие правила? – спросил он, окутав себя облачком дыма.

– Всех, кроме детишек, допрашиваю я. Всегда. И представляюсь тоже я. У меня в кармане старое удостоверение, еще способное пустить пыль в глаза. Пусть я рожей не вышел, чтобы допрашивать детишек, взрослых я еще могу держать в узде.

– Верю на слово.

– Чуть что не так, отвезу тебя обратно в твою богадельню. Ляпнешь что-нибудь невпопад, начнется ломка или еще какая хрень, тут же возвращаешься на исходные позиции, о'кей?

– Идет.

– О наркоте и говорить нечего.

– Я чист, Касдан.

– Все как один преступники, которых я встречал, были невиновны. А все нарики чисты. Стоит мне только заподозрить, что ты взялся за старое, и ты прямиком отправишься в «Холодную индюшку». Но прежде я набью тебе морду.

Carisci?⁶

Волокин, улыбаясь, выплюнул дым:

– Как приятно чувствовать себя окруженным материнской заботой. А Верну?

– Верну я беру на себя.

Волокин слишком громко хихикнул. Сказывалось действие гашиша.

– Спорим, из нас двоих получится один сносный легавый?

У Касдана кружилась голова. Как бы им не пришлось вести расследование под постоянным кайфом, подумалось ему.

Чтобы справиться с головокружением, он заговорил тоном военного инструктора:

– Вопросы нет?

– Нет.

– А твои условия?

– Никаких. И в этом моя сила.

Волокин взмахом руки разогнал дым перед глазами и стал рассматривать дорожные указатели. Касдан только что проехал через Порт-де-Венсен.

– Куда едем?

– Начнем все сначала. Ты допросишь одного за другим ребятишек из храма. Проверим твой пресловутый талант. Если, как ты считаешь, убийца – один из них, тебе ничего не стоит его расколоть.

---

⁶ Усек? (ив.)

– Дети же сегодня учатся?

– Точно. Придется заезжать в каждый коллеж. У меня есть список.

– Не зря я надел галстук.

– В точку. Будем надеяться, что Верну там еще не появлялся. Иначе все пропало.

– Как тебя звать?

– Кевин.

– Дед Мороз скоро принесет тебе крутую приставку Wii?

– Дед Мороз – мой папа. Мы с ним уже ходили в «Score Games».

– Верняк? Ты в списке?

– В первых рядах, – улыбнулся подросток. – Еще в сентябре записался.

– «Zelda», «Need for Speed Carbon», «Splinter Cell Double Agent» – тебе какая игра по кайфу?

– «Need for Speed Carbon» для Wii – самая клёвая.

– А ты в курсе, что выходит футбольный симулятор для Wii?

– А то.

Разговор продолжался все на том же непонятном Касдану языке. Но в одном он был уверен: контакт налажен. Тон. Голоса. Теперь все по-другому. Касдан стоял в стороне. Прислонился спиной к стене в пустом классе, в нескольких шагах от собеседников.

Они добрались до лица Элен-Буше в половине двенадцатого. Время обеда в школьной столовой. Чтобы поговорить с мальчиком наедине, лучше не придумаешь. Директриса не возражала. Родители Кевина Дадаяна упоминали об убий-

стве, когда привели сына в школу, а Верну пока не объявлялся. Официальное расследование продвигается по накатанной дорожке. Для них, свободных электронов, притяжения не существует...

Волокин перешел к главному:

– Гетц был прикольный?

– Ну да. Ничего себе.

– Что бы ты сказал о нем в двух словах?

Касдан оставил напарника наедине с мальчиком. Пошел вверх по коридору. Он сомневался, что Воло вытянет из мальчика больше, чем он сам, даже говоря на его языке. Но он, возможно, заметит какую-то нестыковку, мелочь, которая выдаст маленького свидетеля или маленького убийцу...

Он спустился по лестнице – допрос проходил на втором этаже. Здание лицея впечатляло. Огромный дом красного кирпича с высокими, величественными помещениями, напоминавший городские строения Южной Америки, способные соперничать с прериями и горами за их стенами.

Касдан вынул мобильный. Сигнала не было. Он направился к дверям. Все здесь подавляло: бронза, мрамор, кирпич. Мобильный по-прежнему не работал. Переступив порог, он вышел на Кур-де-Венсен. Наконец на экране появились полоски. Он набрал номер бывшего коллеги и попросил его взглянуть в кое-какие базы данных.

Если он принимает всерьез версию о ребенке-убийце, ему есть чем заняться. Паренек, способный сотворить подобное,

не так прост. Вероятно, у него есть прошлое: психологические, юридические прецеденты. Надо проверить каждую фамилию в списке.

Коллега упирался. Все запросы регистрируются программой, действующей как всеобщий надсмотрщик: она способна выдать день, час и регистрационный номер легавого, который входил в систему. Ничто не теряется. И не забывается. Касдан еще поторговался и в конце концов уговорил собеседника, решив про себя, что эти «заходы в базу» по телефону не займут много времени.

Спустя полчаса он так ничего и не нашел. Ни намека на правонарушение, совершенное одним из мальчишек, или хотя бы на пребывание в психиатрическом отделении. Убрав очки, Касдан поблагодарил коллегу, услышав в ответ:

– Уж не знаю, что ты там затеял, Дудук. Но я помогаю тебе в последний раз.

Касдан вернулся в вестибюль. Волокин шел ему навстречу.

– Ну как?

– Да никак. Ничего он не знает, и мне трудно представить его в роли убийцы органиста.

Армянин не сдержал улыбки. Сумасброд продолжал:

– Кто следующий?

– Перебираемся на Левый берег. Давид Симонян. Десять лет. Лицей Монтеня в Шестом округе.

От площади Насьон по бульвару Дидро они доехали до

Аустерлицкого моста. На Левом берегу по набережным двинулись в сторону Нотр-Дам. Каменные здания сливались с хмурым небом, выхлопные газы серой дымкой окутывали все вокруг. В такие минуты кажется, будто Париж построен из одного материала – скуки.

Касдан свернул налево. Поднялся по улице Сен-Жак. В конце вырулил направо, на улочку Аббеде-л'Эпе, пересек бульвар Сен-Мишель и въехал на улицу Огюст-Конт, оказавшись прямо перед лицеем Монтеня. Волокин и словом не обмолвился о его умении ездить по городу. Как и Касдан, он знал, что любой легавый к концу карьеры запросто переплюнет водителя такси.

В лицее они использовали прежнюю схему. Касдан предъявил просроченное удостоверение. Упомянул об официальном расследовании. Один-единственный звонок директора родителям или в судебную полицию разоблачил бы их. Вместо этого Давида Симоняна забрали с обеда и пересадили в угол столовой.

Когда Касдан увидел его в полный рост, с растрепанными стриженными волосами, ему тут же бросилась в глаза их общность с Воло. словно они были из одной рок-группы. И на этот раз он вышел. Хотел проверить одну свою задумку. Если Гетц действительно был педофилом и совершил что бы то ни было, способное травмировать ребенка и довести его до мести, то эту мысль надо развить до конца. Маленький убийца мог быть и из другого хора. Например, из Нотр-Дам-

дю-Розер.

Он вернулся к началу и перезвонил отцу Станисласу. Касдан твердо решил навестить его лично, но ему не хотелось оставлять Воло одного. Там видно будет. Священник послушно продиктовал ему список своих хористов. Поломав голову, Касдан с трудом нашел еще одного легавого, который согласился проверить фамилии по базам данных.

Водрузив на нос очки, армянин называл одну за другой фамилии и ждал ответа, меряя шагами вестибюль лицея. Попутно сравнивал архитектуру двух лицеев. Здесь царил тесный камень. Светлый. Вечный. Заведению не меньше трех столетий, и его полностью отреставрировали. Белые камни. Ухоженные сады. Просторные помещения, в которых шаги отдаются, будто похоронный марш.

За полчаса он так ничего и не выловил, и, судя по каменному лицу появившегося Волокина, тому повезло не больше.

В 14.00 они высадились у коллежа имени Виктора Дюруи на бульваре Инвалидов.

Бенжамен Зирекян.

Волокин попросил Касдана смотаться за сэндвичами, пока он будет разговаривать с мальчишкой. Касдан вышел, скрывая досаду на то, что оказался у щенка на побегушках. К его возвращению Волокин уже освободился. Опять ничего. В душе Касдана радовали его неудачи. Волокин не ловчее, чем он.

14.45. Бриан Зараслян.

Лицей Жака Декура, авеню Трюден, Девятый округ.
Облом.

15.30. Арут Захарьян.

Школа Жана Жореса, улица Каве, Восемнадцатый округ.
Ни черта.

Теперь Касдан присутствовал при каждом разговоре. Из их болтовни о видеоиграх, героях телесериалов и новейших способах связи он не понимал ни слова. Как видно, это обязательный ритуал перед нормальным общением взрослого с ребенком. И все равно доверительная обстановка ни к чему не привела. Ни тени смущения. Ни единого слова, за которым бы что-то крылось.

16.45. Элиас Кареян.

Лицей Кондорсе, улица Гавр.

В центре квартала у вокзала Сен-Лазар уличное движение становилось все более плотным. Чем ближе к вечеру, тем труднее было протиснуться в потоке машин. И на этот раз впустую.

18.00. Им осталось допросить еще одного мальчишку.

Тимоте Аветикян, тринадцать лет, коммуна Баньоле.

Решились они не сразу. Уже стемнело. Из-за уличных

пробок они сегодня больше никуда не успеют.

И все же они поехали. Если не дойти до конца списка, не стоило и затевать расследование.

Волокин не раскрывал рта. Или бесплодный день нагнал на него хандру, или это ломка, пришло в голову Касдану.

У Порт-де-Баньоле Касдан решился сунуть голову в пасть ко льву.

– Ну что скажешь?

– Ничего. Они непробиваемы. Или невиновны. Просто-напросто.

Теперь они ехали по Баньоле. Унылый пригород. Черный пригород. Словно обмазанный смолой. Тимоте Аветикяна в школе они уже не застали. Касдан знал его адрес. Разыскали дом на улице Поль-Вайян-Кутюрье. Покончив с ритуалом представлений, Волокин занялся мальчишкой.

Армянин устроился в саду, на старых расшатанных качелях, опасаясь, что родители пристанут к нему с расспросами. Ему передалось дурное настроение Волокина. А главное, в нем вскипал гнев. Как он здесь оказался? Он убил целый день в погоне за призраком. Слишком доверился чутью молодого полицейского-нарика и потратил драгоценные часы, а ведь время и так работает против него.

Злости способствовало то обстоятельство, что у Касдана был другой след – политический. Вильгельма Гетца прослушивали. Органистом интересовались и контрразведка, и служба госбезопасности. Этим стоило заняться. Следовало

потрясти тех и других, добыть информацию о политическом прошлом чилийца. Ему бы порыться в телефонных счетах Гетца и отыскать номер адвоката, к которому тот обращался. А еще обзвонить все семьи, в которых Гетц давал уроки музыки. Всем этим сейчас занимается Верну, а он, опытный полицейский, даром убил день на наркомана, помешанного на педофилии.

В глубине души он знал, почему прислушался к мальчишке. Его направляла та рана, с которой он жил. Рана, нанесенная ему отъездом сына. И вот небо послало ему в напарники ровесника Давида. Еще более близкого, чем Давид. Легавого, работавшего на улице. Касдан никогда не забывал: истинным камнем преткновения для них с сыном, кремниевым ножом, рассекшим их привязанность, стало его ремесло.

Не то чтобы Давид ненавидел фараонов. Он их попусту презирал. Однажды он сказал ему с досадой и иронией: «Легавый – это бандюга, которому не удалось преуспеть». Он и вправду так думал. Мальчишка, принадлежавший к поколению, опьяненному мгновенным успехом, новейшими технологиями и легкими деньгами, не понимал, как его отец мог сорок лет таскаться по улицам за нищенскую зарплату.

Так что ему нетрудно было убедить себя объединиться с Волокиным. Хотелось побыть рядом с парнем, который нравился ему, напоминал о его лучших годах и помогал забыть о неудаче с собственным сыном. Он был ослеплен. Он... Нет, и это не вся правда. Волокин не околдовал его до такой сте-

пени. Он привез русского и решил заново допросить ребятшек вместе с легавым ненамного старше их самих, нутром чуя, что наркоман нащупал в этом деле что-то важное. Мальчишка, оставивший на галерее собора свой отпечаток, не просто свидетель. Теперь он готов в этом поклясться.

Позади послышались шаги.

Это был Волокин в своем дешевом костюме и куртке. Опустив голову, он заправлял галстук.

– И что?

– Опять ничего.

– Может, пора пересмотреть твою теорию?

– Нет. Не мог я ошибиться. Не настолько.

– Упрямство – худший враг легавого...

Русский поднял глаза и уставился на Касдана. В полумраке его глаза блеснули как светлячки. Он вытащил свой «крейвен». Закурил. Челюсти его напряглись и тут же расслабились, чтобы затянуться.

– Я всегда доверял своему чутью, – сказал он, резко выдыхая дым. – И оно меня не подводило.

– Тебе всего тридцать. Рановато делать выводы на всю жизнь.

Волокин круто повернулся, окутав себя облачком светлого дыма.

– Идемте. Я кое-что придумал.

Касдан с трудом поднялся с ржавых качелей. Он догнал Волокина уже на улице. Рядом с ним он чувствовал себя ше-

стеркой в следственной группе. Тем, кто опрашивает свидетелей, которые наверняка ничего не видели, и осматривает окрестности за километр от места преступления.

– Ты о чем?

– Едем к Гетцу.

– Я там уже все обыскал. Пусто.

– А в его компьютер вы влезали?

– Нет, в этом я ничего не смыслю.

– Тогда едем.

Касдан преградил ему дорогу:

– Послушай, Гетц был скрытным человеком. Настоящим параноиком. Никогда бы он не оставил ничего компрометирующего. Ни в компьютере, ни в любом другом месте.

Впервые за всю вторую половину дня Волокин улыбнулся:

– Педофилы как слизни. Как ни стараются, всегда оставляют за собой след. И этот след – в их компьютерах.

– Мак «Power PC G4», – прошептал Волокин, выглядев компьютер в темной квартире. – Более известный как «G4». Устаревшая модель. – Он опустил ставни и включил компьютер. – Пусть загрузится.

– Справишься с макинтошем?

– Справлюсь. «Пи-си» или «мак» – мне без разницы. Кому что нравится. Но шансов нет ни у кого. Ни у компьютера, ни у пользователя.

– Ты так хорошо сечешь в компьютерах?

Волокин кивнул. Свет от компьютера выгодно оттенял его черты, подсвечивая глаза снизу, словно две перламутровые капли. Пират, нашедший свой клад.

– Я прошел выучку в Германии, у лучших хакеров Европы. У ребят из «Хаос Компьютер Клуб».

– Что за ребята?

– Компьютерные гении. Они называют себя «галактической общиной» и борются за свободу информации. Стараются показать обществу уязвимость высоких технологий. В Германии они много раз взламывали банковские сети. Но всегда возвращали деньги на следующий же день.

– Как ты с ними познакомился?

– Они помогли нам в одном расследовании. Искали нескольких педофилов и вышли на Берлин. С их помощью

мы выследили подонков в Сети. Я же вам говорил: ахиллессова пята извращенцев – их компы. В них сохраняются все следы поисков и контактов. Я ночами отслеживал фотографии и видеозаписи в Интернете через децентрализованные сети. Киберохота – лучшее оружие против педофилов.

Касдан встал у него за спиной. Он чувствовал, что ему все это уже не по зубам. Картинка на рабочем столе у Гетца изображала соляную пустыню, белую и бескрайнюю. Наверное, чилийский пейзаж.

– Вход в компьютер не запаролен. Уже неплохо. Иначе нам бы туго пришлось. Пришлось бы везти его в мастерскую, чтобы покопаться в потрохах.

Касдан недоумевал. На экране как раз открылось окно, требующее пароля. Волокин понял его замешательство:

– Пароль, который он запрашивает, нужен для работы в системе, чтобы просмотреть папки Гетца. А это совсем другое дело. Его я могу обойти.

Он скинул куртку и застучал по клавишам. В своем черном костюмчике, слишком плотной рубашке и ложном галстуке он смахивал на брокера, который понятия не имеет о непреложных правилах своего круга, в частности о дресс-коде. А больше всего он походил на молодого принарядившегося крестьянина, сошедшего со страниц новеллы Мопассана.

Касдан наблюдал за ним. Выйдя на пенсию, он было увлекся Интернетом и заранее радовался всему, что сможет

извлечь из своего нового знания. Но вскоре разочаровался. Виртуальный мир оказался подобием информационного фастфуда: поверхностным, лишенным каких бы то ни было оттенков и глубины. «Отчуждающая машина», как говорят марксисты. Теперь он использовал Интернет как старый добрый Минитель: заказывал через него книги и DVD.

– Что ты сейчас делаешь? – спросил Касдан.

– Перехожу в режим «shell».

– Пожалуйста, по-французски.

– Язык программирования. Для компьютера человеческий язык – всего лишь набор символов. Кажется, будто он понимает французский, он запрограммирован, чтобы создавать такую иллюзию, но он считывает только цифры, да и те в двоичной системе исчисления...

Касдан смотрел, как по экрану бегут строки, написанные шрифтом «курьер». Сами буквы выглядели более тонкими и хрупкими, чем в обычных шрифтах. Вспомнился фильм «Матрица». Братьям Вачовски удалось обыграть сходство между языком информатики и восточной каллиграфией.

– Ну и как?

– Я создал конфигурационный файл. Что-то вроде «суперпользователя», который обойдет обычных пользователей, чтобы получить доступ к списку файлов.

Воло перезагрузил компьютер. Снова зашумел кулер, и на экране всплыла табличка с требованием пароля. На этот раз русский набрал несколько букв. Компьютер послушно выдал

список иконок.

– Теперь я перехожу к корню программы. Компьютеры похожи на генеалогические древа. Надо пройти по цепочке поддиректорий, вставленных одна в другую: система, программное обеспечение, файлы...

Замелькали, множась на глазах, колонки файловых имен.

– Документы, созданные и сохраненные Гетцем. Тексты, картинки, звуки...

С безумной скоростью по экрану проносились аббревиатуры, цифры, буквы. Строчки изгибались и вертелись, как сорняки на ветру.

– Как ты можешь *это* понимать?

– Я и не пытаюсь понять. Я фильтрую. Пропускаю через программу, которую скачал из Интернета. Это как сеть, которая находит ключевые слова, даже зашифрованные, используемые педофилами.

По экрану все еще бежали символы. Время от времени Волокин останавливал список и открывал какой-нибудь документ. Затем мельтешение продолжалось с новой силой.

– Твою мать, – прошептал он. – Пусто. Этот мак – комприимерного чилийского музыканта. Даже мейлы выглядят чистыми. Говнюк был чрезвычайно осторожен.

– Напоминаю, что пока Вильгельм Гетц считается жертвой. Пожилым шестидесятитрехлетним человеком, которому прокололи барабанные перепонки.

– Вы забываете, что он был под прослушкой. Вы же сами

сказали.

– Мы даже не знаем, кто и почему его прослушивал. Ты сам вдруг взял и решил, что Гетц был сексуальным извращенцем.

Волокин снова застучал по клавишам:

– А теперь займемся его обращениями в Интернет. Как правило, это настоящая золотая жила.

– Допустим, Гетц посещал сайты педофилов. В таком случае он ведь сразу бы стер все следы своих манипуляций?

– Ну конечно. Да только в компе ничего не сотрешь. Это просто невозможно, понимаете?

– Нет.

– Предоставить эту функцию пользователям значило бы косвенно дать им доступ к фундаментальным основам системы. К исходному коду. Тому, на котором работает жесткий диск. Так вот, этот код – одна из самых охраняемых в мире тайн. Иначе кто угодно создаст собственный диск, и рынок информационных услуг рухнет. В компьютере все происходит лишь на поверхности. Для пользователя создается видимость, будто он стирает свои данные, но это простая уступка ограниченной человеческой логике. В мире алгоритмов, в глубинных слоях бинарных структур все сохраняется. Навсегда.

– Это касается даже мгновенных соединений? Не дольше одного клика мыши?

Волокин улыбнулся и развернул монитор к армянину:

– Какого угодно. При любом соединении компьютер создает то, что мы называем временным файлом. Он сохраняет и выводит на экран каждую страницу, к которой обращается пользователь. Вам кажется, что вы заходите на сервер, а на самом деле машина уже сохранила копию, и вы видите только ее.

Он снова защелкал клавишами.

– Эти временные файлы архивируются в ячейке памяти, и их всегда можно извлечь, зная волшебное слово.

– Язык «shell»?

– Нет. На этом этапе с компьютером разговаривают с помощью особого алфавита – аски-кода. Это уже другой уровень. Кажется сложным, но на самом деле во все эти операции легко врубиться. Касдан, чтобы разговаривать с железом, надо говорить на его языке. И следовать его логике.

Стук клавиш. Новые символы на экране.

– Временные файлы. Сохраненные в порядке посещаемости. Сайты, на которые вы заходите чаще всего, в верхней части списка и готовы к использованию. Я пропущу эти файлы через свою поисковую программу. Тысячи педофильских сайтов опознаны и сохранены. Нам известны их адреса, их коды и ключевые слова... Проклятье.

– Что?

– Я снова ничего не нахожу. Ни сайтов для геев, ни даже заказа на «виагру». Быть того не может.

– Почему не может?

– Вы что, никогда не заходили на порносайты?

Касдан не ответил. У него в мозгу замелькали названия сайтов: «Big Natural Tits», «Big Boobies Heaven». Не хотелось бы ему, чтобы Волокин вздумал покопаться в его «макинтоше».

– У меня есть кое-что в запасе, – сказал Волокин. – Иноды.
– Что-что?

– Компьютер – словно город. Каждый файл – как дом со своим уникальным адресом. Это и называют инодом. Я расшифрую документы через их инод, а не через имя, которое всего лишь фасад. Как правило, чтобы спутать следы, те, кому есть что скрывать, создают несколько документов с одним и тем же именем. Пустые скорлупки оставляют на виду, а настоящий, компрометирующий файл – в недрах памяти компьютера.

Волокин напечатал несколько строк одних цифр. На экране появился очередной список. Касдан попытался урезонить парня:

– Воло, мы же говорим о безобидном престарелом музыканте. Трудно представить, чтобы он создавал виртуальные обманки...

– Повторяю: педофил – зверь свехосторожный. Он чувствует себя изгоем. И знает, что большинство людей мечтают об одном: отрезать ему яйца. Тут поневоле станешь компьютерным гением.

По экрану все еще бежали символы. Касдану мерещилось,

что он пытается продрасться сквозь непроходимые джунгли. Зато Воло явно оказался в своей стихии. Со сдержанной яростью он стучал по клавишам. В нем чувствовалось напряжение охотника, знающего, что зверь неподалеку, но боящегося его вспугнуть.

– К чертям собачьим!

– Ничего?

– Да какое там. Гетц наверняка учился у специалистов. Он неуловим.

– А ты не преувеличиваешь?

– Педофилы всегда заодно. Держатся друг за друга. Один специалист обучает других, и дальше по цепочке. Доверьтесь моему опыту.

Он наклонился и засунул руку в свою сумку.

– Остается последнее средство.

Волокин высоко поднял блестящий диск и тут же сунул его в дисковод.

– Программа восстановления. Нечто вроде зонда, который погружается в самые глубины компьютера. Те, что называются нижним уровнем. Она сканирует нутро компьютера и восстанавливает все, что считалось стертым. Это скоростная программа, ее применяют при задержаниях.

Компьютер урчал, словно мотор. Казалось, дуновение вентилятора гонится за ним, стараясь охладить его и не дать взорваться. Выскочили новые списки. Каждая строчка в них начиналась вопросительным знаком:

?uytéu§(876786ⁿòàn ;tnièrpuygf
?hgdf654! »à)89789789ç(Ôv jhgjhw
?kjhgfhgfdg5435434345
?iuytiuyY64565465RC
?yutuytyutzftvcuytyw

Волокин прошептал, словно исподтишка заглядывая в сокровенную жизнь спящего чудовища:

– Компьютер никогда не стирает. Он просто освобождает место для новой информации. Чтобы расчистить пространство, он отодвигает предыдущий файл, скрывая его первую букву, отсюда и вопросительные знаки. Остальная часть заглавия не меняется, и нам нетрудно их распознать.

Касдан уставился на строчки, все как одна начинавшие-ся вопросительным знаком. Он не представлял, что можно отыскать в подобной тарабарщине. Но парень, похоже, знает, что делает. Под звуки вентилятора текли секунды.

Армянин спросил, также понизив голос:

– Что ты нашел?

– Все то же безобидное дерьмо. Гетц просто святой.

– Может, так оно и есть? Что, если он просто коротал время между музыкой и воспоминаниями о родине? Пусть даже он предавался необычным утехам со своим любовником.

– Касдан, вы старше меня. Вам известна человеческая натура. Вильгельм Гетц был гомосексуалистом. Насер у него не первый и не единственный. Педики горячие, как печка. А здесь ни следа его контактов. Я нахожу только одно объясне-

ние: он пользовался другой машиной. В другом месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.